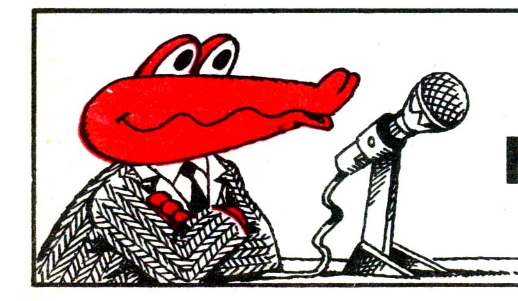

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 30 ОКТЯБРЬ 1989

Г. ОГОРОДНИКОВ, В. ЛУГОВКИН (тема)

Рассказ о том, как дружили Брежнев с Сахаровым.

Стр. 12.

КРОКОДИЛ

№ 30 (2652)
октябрь 1989

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Сдано в набор 20.09.89.
Подписано к печати 27.09.89.
А 00369.
Формат бумаги 70×108⅛.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 200 000 экз.
(1-й завод: 1 — 2 600 103).
Зак. № 1255.
Цена 30 коп.

НАШ АДРЕС: 101455, ГСП-4, Москва, Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», гор. Свердловск, проспект Ленина, 49.
Тираж 5 300 000 экз. (4 завод 4 000 001—5 300 000). Зак 1856

В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ, В. ТИЛЬМАН (тема).

ВИЛЫ В БОК!

НАСИЛЬНИК МОРФЕЙ

Совсем недавно на Куровской ветке, что берет свое начало у Казанского вокзала г. Москвы, имело место происшествие. В районе платформы Игнатьево.

Сразу же оговоримся: никаких страстей не было, вздыбившихся вагонов, искореженных путей и тому подобного. Наоборот, электропоезд в сторону Москвы проследовал во всем великолепии, стремительно, сверкая блеском стали и окон. Правда, без остановки. Затем так же молниеносно прошел пустой черустинский поезд, и публика, ошеломленная грохотом и свистками, так и не смогла уехать в столицу до глубокого вечера.

Поясним тотчас же. Этот заурядный для пригородного сообщения факт взят для начала разговора о так называемых окнах. Каковые якобы служат для ремонта пути. Вообще это явление окутано таинственностью. Непонятно, как в те же самые «ремонтные» промежутки ухитряются следовать грузовые и пассажирские поезда дальнего следования.

Тайные агенты Крокодила постарались внести ясность в эту мистерию. Они исследовали несколько участков дорог и, представьте себе, действительно увидели ремонтных рабочих, одетых в эффектные оранжевые жилеты...

Часть рабочих резалась в карты (вероятно, в бридж), а другая, поддавшись сладостным объятиям бога сна Морфея, лежала вповалку под ясенями, липами, дубами. Под акациями также, хотя это растение дает, как известно, не самую густую тень.

Прижав обе лапы вместе с вилами к области сердца, Крокодил клянется в вечной любви к МПС. И он не защищен от колдовских чар Морфея, бывает, что он тоже спит. Так не логичней ли устраивать окна для ремонта именно в те часы, когда почти всей живой природе — рыбам, земноводным, обезьянам и даже человеку — просто полагается спать.

Может быть, ночью.

Вл. МИТИН.

ДЕФИЦИТ ИЗ АМБРАЗУРЫ

Свободная продажа — хорошая штука. А то лично мне тоже не нравится: чуть появится какой-либо дефицит, сразу его в спецраспределиловку — в профкомы, в советы коллектива. А с какой, собственно, стати? Дефицит — в свободную продажу!

Приветствую такие девизы и присоединяюсь к Марии Семеновне Беляевой, директору кемеровского Центрального универмага, которая от слов перешла к делу. Она не стала таить в подсобках или рассовывать по предприятиям около 2000 полученных универмагом японских трикотажных костюмов и плащей, а смело двинула их в широкие покупательские массы.

Решили провести свободную продажу в пустующем гараже универмага. В его воротах имеется небольшое окошечко-амбразура, будто специально приспособленное для продажи импортного дефицита.

Очередь собралась мгновенно. Мужчины давили силой, женщины — массой. Людское месиво океанской волной ходило влево-вправо. Когда гребень волны подкатывал к амбразуре гаража, оказавшиеся на гребне счастливчики, выкрикнув истошным голосом размер, мгновенно совали в амбразуру деньги без сдачи и в обмен получали покупку. Мешкать было нельзя, ибо очередной вал поглощал счастливчиков и, как щепки, выбрасывал на поверхность вдалеке от гаража. А напряжение росло. Затрещали ворота с амбразурой. Перепуганная директриса универмага сняла телефонную трубку и дрожащей рукой набрала номер милиции...

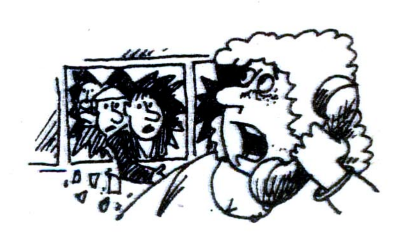
Из Центрального РОВД прибыли на подмогу около 20 милиционеров. Их встретил рев одержимой повышенным покупательским спросом толпы. Океанский вал смыл взявшихся за руки милиционеров. Хрустнули хлястики на шинелях, полетели фуражки.

— Прекращайте торговлю,— потребовал у работников универмага заместитель начальника РОВД Г. Николаев.— Другого выхода нет...

Был конец месяца, план горел, и поэтому решили оставшиеся плащи все же потихоньку допродать в зале универмага. Но потихоньку не получилось. Отдохнувшая покупательская масса снова пошла на приступ. Захрустела пластиковая обшивка стен. Осколки восьми огромных зеркал с жалобным звоном посыпались на пол. Директриса с тоской подумала, что, если заморский дефицит и впредь будет поступать в свободную продажу, хорошо бы стены здания снаружи укрепить подпорками из швеллера или двутавра, а зеркала и стеклянные двери забрать решетками...

Директор глубоко права. До тех пор, пока еще дефицит — неизбежность, а элементарная культура поведения отдельных посетителей универмагов не перестанет быть столь же дефицитной, как и приличный трикотаж, подобные меры просто необходимы.

Н. РЫНДИЧ,
г. Кемерово.

ЛЕД ТРОНУЛСЯ

ПОДНИМИТЕ ШЛАГБАУМ!

Таковой возник перед нашим корреспондентом А. Павловой вместе с двумя вооруженными милиционерами, когда корреспондент, предъявив редакционное удостоверение, пыталась проникнуть... куда бы вы думали? Нет, не на ядерный полигон и не на ракетную базу, а всего лишь... в Госкино СССР. Об этом, в частности, А. Павлова рассказала читателям в своем фельетоне «Секретное министерство» (№ 19).

Как сообщил в редакцию управляющий делами Госкино СССР Б. Грязнов, критика признана справедливой. Пропускной режим пересматривается в сторону снятия излишних ограничений при проходе посетителей в здание комитета. В настоящее время пропуск посетителей осуществляется и по членским билетам творческих союзов СССР.

Надеемся, это относится и к членам Союза журналистов СССР?

«АМБАРОВ» СТАНЕТ МЕНЬШЕ?

Из публикации В. Шикина «Узеньские пришельцы» (№ 19, 1989) наши читатели узнали о существовании на полуострове Мангышлак так называемых «амбаров» — этаких озер из пролитой нефти. Это результат безалаберной эксплуатации нефтяных промыслов нефтегазодобывающим управлением (НГДУ) Узеньнефть объединения «Мангышлакнефть».

В своем ответе главный инженер объединения Д. Горюнов заверил редакцию, что положение меняется к лучшему: «выделены специалисты, занятые вопросами экологии, организованы специализированные бригады по осуществлению природоохранных мер. Разработана целевая программа «Экология». Однако очень мешают этой работе нехватка труб и отсутствие эффективных средств против коррозии.

Первый заместитель министра нефтяной промышленности В. Филановский тоже сообщил Крокодилу о принятых мерах. Так, в 1 полугодии 1989 года в НГДУ Узеньнефть ликвидировано 76 замазученных участков территории, откачано из нефтяных «амбаров» 200 тонн нефти, отремонтировано или заменено 24 000 метров трубопроводов. В 1989 году начал действовать цех по антикоррозийной эмалевой обработке труб. Для рекультивации земель НГДУ заключило договор с управлением механизированных работ треста «Экибастузэнергострой» на сумму в миллион рублей, почти половина из которых уже освоена.

Станет ли в результате нефтяных «амбаров» меньше, покажет время.

МЁД ДЛЯ МЕБЕЛИ

Мебель нынче не покупают сразу, кое-где на нее записываются заранее. Супруги Наливайко из деревни Матюково Витебской области записались. Не прошло и полгода, как они получили из местного сельпо приглашение приобрести кухонный гарнитур стоимостью 546 рублей. Правда, требовалась справка о сдаче 10 кг меда или 500 кг макулатуры.

Наливайко пчел не держали, однако в уныние не пришли. «С медом всегда было просто,— написал в редакцию глава семьи,— покупаешь в магазине

мед, «купленный у населения», по цене 7 р. 30 коп. за кг, сдаешь на заготовительный пункт по 5 р. 50 коп. и получаешь документ о «сдаче меда населением».

Но на сей раз отработанная схема дала осечку: гарнитуров в сельпо привезли несколько, и весь мед расхватали. Что делать? Супруги Наливайко не растерялись, они поехали к тестю, который держал пчел.

— Меду нет,— огорошил детей тесть.— Угодья выкошены, сахару нет, а крохи самому нужны.

В былые времена хитрый пчеловод подкармливал пчел сахаром, отчего мед, хоть и «ненатуральный», водился, но нынче, как объяснил дед, едва самому на варенье хватит.

В общем, супруги Наливайко решили гарнитур не покупать. Позвонили в сельпо и отказались под тем предлогом, что мебель им не понравилась. В сельпо удивились: ну и народ пошел разборчивый. От дефицита отказывается!

И. СКОРОБОГАТОВА.

КАНИТЕЛЬ В ЗАКОНЕ

Семья Ершовых (г. Жигулевск) выиграла по журналистской лотерее холодильник «ЗИЛ». Билет отправили в Москву, и вскоре Сызранское транспортное агентство «Куйбышевавтотранс» доставило холодильник на дом. Такая забота вызвала аж слезы умиления.

Но, когда груз распаковали, слезы тут же высохли, холодильник был жутко деформирован, словно трахали по нему рельсами, в корпусе, видимо, гвоздем, сделана дырка.

Семья Ершовых подала в Сызранский горсуд иск на трансагентство. Дело было даже рассмотрено в судебном заседании. Судья принял тонкое соломоново решение. Истцы чересчур поторопились, записал он в решении. Сначала им следовало предъявить претензию самому предприятию, то есть затеять нудную бюрократическую канитель. Ведь ясно, что от такой претензии предприятие, перейдя в глухую защиту, начало бы отбиваться, используя любые ухищрения своих выдающихся юрисконсультов. Всегда так делают. И только после неудовлетворения претензии можно тревожить неподкупный суд. Сколько на эту канитель пришлось бы затратить нервных клеток, нетрудно представить.

Так вот, нужны ли эти давно отжившие правила? Почему сразу нельзя предъявить в суд иск на госпредприятие, испортившее дорогую вещь? Для чего же другого существует суд, как, в частности, не для того, чтобы охранить нас от тех, кто покушается на наше имущество?

Н. ЗВЯГИН.

Кондрат УБИЛАВА, специальный корреспондент Крокодила

СТРЕЛЬБА ПО НЕЛЕТАЮЩИМ ТАРЕЛОЧКАМ,

или 28 комиссий на одного арендатора

Есть такая молодецкая забава — стрельба по летающим тарелочкам. Рассказывают, что в городе Зугдиди местным стрелкам както не завезли эти самые тарелочки. Но снайперы не растерялись: «А не воспользоваться ли продукцией нашего фарфорового завода? Одновременно поможем предприятию — разгрузим его складские помещения от залежалого товара».

Возможно, историю придумали злые языки. Но есть в ней одно справедливое наблюдение: продукция Зугдидского фарфорового завода трудно покидала проходную. Торговая сеть стояла насмерть и не брала изделия, которые лишь в сумерках напоминали чашки и тарелки, кофейные и чайные сервизы. А при дневном свете их тут же хотелось отправить на стрельбище.

Скажу сразу: все это воспоминания о прошлом, хотя и не столь уж отдаленном. К ретро следует отнести и чехарду со сменой директоров завода (и даже министров легкой промышленности Грузии), рекордную для республики текучесть кадров, наконец, убыток, который за 10 лет вырос до 31 миллиона рублей!

Ныне все резко изменилось. Перестройка завода началась с тех пор, как пришел Гиви Соселия, не знаю уж, какой по счету директор. Он пришел в начале 1987 года, и все ждали, когда его будут «освобождать от занимаемой должности в связи с...». А новый директор собрал людей и сказал очень немного: «Назад хода нет. Надо работать. Остальное все приложится». И вскоре завод перешел на аренду.

...Меня больше всего заинтересовало, хорошо ли быть арендатором? Зам. директора по экономике молодой и энергичный Руслан Киласония заявил:

— Об аренде не могло быть и речи, если бы не было бригадного подряда и хозрасчета. С них-то все и началось...

Команда Гиви Соселия дала коллективу перспективу, заинтересовала людей в конечном результате труда. Пришли квалифицированные кадры. Было снято с производства почти 20 изделий: с ними стыдно было на люди показываться. Запустили в серию новую посуду, которая моментально исчезала с прилавков.

Кризис миновал. Убыток (помните 31 миллион?) начал сокращаться. Медленно, но верно. Более того, впервые за время своего существования завод получил прибыль. Сумма не бог весть какая, но начало было положено.

И вот тогда решили применить сильнодействующее средство — аренду.

Скептиков нашлось немало. И не только на предприятии, но и в Минлегпроме республики. Правда, министр Бэлла Захаровна Микашвили сразу же приняла сторону храбрых зугдидцев. Однако они еще не представляли, что их ожидает...

— Мы тыкались, как слепые котята,— вспоминает Р. Киласония.— Ведь первыми среди всех предприятий министерства становились арендаторами. Люди поняли: аренда не гарантирует заработной платы. Сколько заработал завод — столько каждый получит. Не идут изделия — сразу же худеет заводской кошелек. А значит, и кошелек каждого из 1200 работников, включая директора. Вот такая жестокая, но очень справедливая эта штука — аренда.

— У нас по договору целый перечень обязательств перед министерством, которые неукоснительно должны выполнять,— говорит директор.— У них перед нами тоже есть: выделение фондов, техники, материалов. Но вот что интересно. Мы несем ответственность, если нарушим слово, а министерство перед нами — нет. Где же справедливость? Нужны факты? Пожалуйста!

И дальше я услышал печальный рассказ директора и его зама о сырьевых ресурсах. Без них ни тарелку, ни чашку не сработаешь. Между тем завод просит 300 тонн гипса, а ему завозят 70. Требует 4 тонны каолина, а получает только одну. И так далее. Адресаты поставщиков разные — Донецкая, Днепропетровская, Орловская, Куйбышевская области, Москва... Конечно, можно предъявить им претензии. Но ведь обязательства перед заводом берет министерство. С него и спрос. Пока ничего не получается. Вот и приходится арендаторам выкручиваться, как в достопамятные времена застоя.

Очень любопытный документ прислали из Минлегпрома Грузии. Именуется он так: «Об установлении нормативного соотношения между приростом фонда оплаты труда и дохода на 1989 год». Вроде безобидный текст. А на самом деле сводит на нет все усилия арендаторов.

— Снова нами командуют! — сетует Р. Киласония.— Сколько можно? Смотрите, нам ограничивают фонд оплаты труда, ломают все планы. Опять теряется стимул! Ведь мы лучше знаем, как распределить прибыль. Нет, указывают сверху. Я не виню в этом наше министерство. Оно действует согласно директивному письму, подписанному союзными ведомствами: Госпланом, Минфином, Госкомстатом и Госбанком. Но ведь надо же учитывать — на аренде предприятие!

В кабинет директора врывается посетитель:

— Из Боржоми я, из санатория «Лекани», заместитель директора. Прошу, дайте тарелки, мучаемся, честное слово! Чтобы подать второе блюдо, сразу же моем тарелки после первого. У отдыхающих аппетит пропадает, худеют. Выручайте!

Директор завода смог лишь посочувствовать:

— Не могу, дорогой, фондов для Боржоми нет...

Опять старая, порядком всем надоевшая песня с припевом: «Ах, эти фонды, фонды, фонды...»

Интересуюсь у Соселия:

— А могли бы уважить боржомского ходока?

— Конечно, тарелок сколько угодно. Но для этого надо иметь прямые связи с заказчиками. А у меня нет прав на это. Представляешь, что будет, если продам тарелки? Первая же комиссия меня накажет штрафом. Это в лучшем случае. Кстати, о комиссиях. С того момента, как перешли на аренду, у нас побывало 28 комиссий. И это только за полгода!

— Они приезжают по жалобам?

— Нет, каждая комиссия ПЛАНОВАЯ, как они любят себя именовать. Уезжает одна, а на пороге уже другая. Честное слово, надоело. Если уж доверять арендаторам, так до конца. Хотя бы тем, кто зарекомендовал себя безупречной работой. Когда здесь выпускали «тарелочки» для стрельбы, то комиссий гораздо меньше было. Обидно...

Не хотелось бы заканчивать на этой минорной ноте.

Существует Всесоюзный художественный совет фарфористов. Он регулярно собирается на свои заседания. Местом одной из последних встреч выбрали Зугдиди. Хозяева представили 45 новых изделий, 36 из которых взыскательные специалисты оценили на «отлично». Десяток из них можно приобрести, например, в фирменном магазине «Грузинский фарфор».

В планах завода — выпускать акции, расширять производство, осваивать новую оригинальную посуду. Не надо мешать арендаторам!

г. Зугдиди Грузинской ССР.

Анатолий РЫБАКОВ: «САМОЕ СТРАШНОЕ — ЭТО ЕДИНОМЫСЛИЕ...»

— Анатолий Наумович, гражданский пафос ваших последних книг — разоблачение тирании и тоталитаризма, призыв к свободе. Как вы оцениваете нынешнюю демократическую поступь нашего общества и прежде всего работу института народовластия — нового Верховного Совета?

— Прошла первая сессия Верховного Совета, а мы — я прежде всего имею в виду свое, уже стареющее поколение,— впервые в жизни увидели свой, отечественный парламент. Да, это нам в диковинку — свободное обсуждение проблем, беспощадный анализ ситуации в стране. Естественно, сразу же стала заметна наша неопытность в парламентском деле; и это, конечно, неудивительно — во всем мире «парламентские машины» отлаживались если не столетиями, то как минимум десятками лет... Неопытность поначалу чувствовалась во всем: и в голосовании «руками» с подсчетами голосов «на пальцах», и в том, что депутаты сплошь и рядом не получали заблаговременно материалы к дискуссиям. Кстати, немаловажный момент — во многих странах есть специальные парламентские ораторы, внятно и полно излагающие те или иные позиции, стоит присмотреться к этому опыту, он позволяет экономить время, избегать повторений и сумятицы на заседаниях... А крайняя неопытность в процедурных вопросах! Но я уверен, все постепенно придет в норму. Потому что появились новые люди, например, Собчак, Станкевич, многие другие, а главное, способные молодые ребята. Мы думали, что мозги народа уже напрочь запудрены командной идеологией, ан нет — оказывается, нельзя напрочь лишить людей способности мыслить. До недавнего времени самым страшным врагом официально считалось инакомыслие, в любой его форме. А что такое борьба с инакомыслием? Это же борьба со способностью мыслить вообще. Это — самое страшное наследие сталинизма. Кроме духовных потерь, именно тут причина экономических бед. В эпоху научно-технической революции единомыслие просто невозможно! Ведь каждый на своем рабочем месте должен постоянно принимать самостоятельные, оригинальные решения, должен самостоятельно думать и действовать... Самое страшное — это единомыслие.

Возможен ли возврат к прошлому? Я считаю, что нет. Процесс раскрепощения мысли зашел далеко. Это ведь многим только кажется, что бурлит лишь «тонкий слой» — журналисты да депутаты. Ничего подобного. Это поднялся сам народ, весь, вплоть до простых домохозяек. Возьмите забастовки шахтеров. На протяжении всей моей сознательной жизни при Советской власти — а мне скоро восемьдесят — мог ли я представить себе забастовки у нас в стране? А как их провели шахтеры! Дай бог иностранным тред-юнионам провести их так же организованно и ответственно. Был полный порядок, никаких правонарушений, опечатали все винные склады. Выросший духовно и политически народ уже нельзя загнать в сталинско-брежневские «ясли». Конечно, далеко не все идет гладко. Очень тревожат сообщения о конфликтах на национальной основе; они, безусловно, дестабилизируют общество. И еще один никак не желающий сдаваться противник — бюрократическая система управления. Можно заменить всех сотрудников этой системы на новых, и каждый будет совершенно искренне радеть за перестройку, но все равно ничего не сдвинется с места — сама неуклюжая управленческая структура «запрограммирована» на застой и некомпетентность. В результате нескончаемые дефициты — вот теперь нет мыла; Бог ты мой, это уже какая-то просто вопиющая глупость — нечем вымыться!..

— Споры о ваших последних романах не стихают. Следите ли вы за сегодняшними литературно-критическими публикациями, касающимися «Детей Арбата» и «1935-й и другие годы»? Какие иные события в нынешнем литературном мире представляют для вас наибольший интерес?

— Вы, возможно, обращали внимание, что многие критики некоторых московских журналов буквально кидаются на меня из номера в номер — мол, конечно, советский читатель попросту не имел информации о сталинизме, отсюда и успех книг Рыбакова, а вовсе не от художественных их достоинств. Ладно. Но тогда, ради бога, объясните мне, почему «Дети Арбата» уже переведены на тридцать два языка по всему свету, почему роман до сих пор из месяца в месяц не выходит из списка бестселлеров на Западе? А ведь там действительно все давно известно — и про террор, и про судилища 30-х годов... Упрекают меня в плагиате, «забывая» о том, что я писал исторические романы; само собой, я изучал (а вовсе не переписывал, как мне пытаются инкриминировать) свидетельства очевидцев, в том числе и те, которые были опубликованы за рубежом. Исторические факты принадлежат не какой-то конкретной персоне, а самой Истории. Я верю, что как литературные произведения мои романы состоялись. Здесь мне поддержкой письма читателей, их уже более шести тысяч, и я, кстати, отвечаю на каждое.

Относительно близких мне событий в литературном мире. Недавно был создан русский советский ПЕН-центр, и таким образом многие наши известные писатели вошли в состав международного ПЕН-клуба. Эта авторитетнейшая организация (PEN — аббревиатура трех английских слов — POETS, ESSAYISTS, NOVELISTS — поэты, эссеисты, прозаики) объединяет писателей всего мира.

Сущность ПЕН-движения — борьба за свободу творчества, независимость творца от власти и любого вида цензуры. Кроме того, борьба со всякого рода дискриминацией — классовой, национальной, религиозной, словом, по какому бы то ни было признаку. Естественно, в СССР долго относились к ПЕН-клубу, как к «чуждому явлению», ведь у нас на протяжении десятилетий дискриминировали людей и произведения именно по социальным признакам. Только эпоха нового мышления открыла нам дорогу в это международное писательское сообщество. Конечно, не обходится без сложностей. Во всех странах ПЕН- центры организованы по языковому признаку, а наша культура многонациональна, многоязыка. Но существует закон — в одной стране не может быть более пяти ПЕН-центров. А ведь у нас в стране сотня литератур! Правда, для СССР уже сделано своего рода исключение: прибалтийские центры, те, которые существовали еще до 1940 года, сохраняют свой статус. Русскоязычный нашими усилиями уже существует. А как, образно говоря, «делить» оставшиеся четыре «места»?!

Но при всех сложностях образование русскоязычного ПЕН-центра — очень важное дело, на последнем, 53-м конгрессе он был принят единогласно в состав Международного ПЕН-клуба, где великая русская литература обрела, наконец, свое «официальное представительство».

Наш ПЕН-центр (а я избран его президентом) — организация, защищающая свободу творчества. ПЕН-клуб принимает участие в судьбах «гонимых» литераторов — сейчас, например, писатели всего мира защищают Салмана Рушди, автора ставших знаменитыми «Сатанинских стихов», который фанатиками приговорен к смертной казни.

В наш ПЕН-клуб может быть принят любой русскоязычный писатель, вне зависимости от того, где он живет. Здесь имеются в виду также русские писатели-эмигранты. Необходимо преодолевать трагическую «разорванность» русской литературы. В связи с этим, кстати, хочу заметить, что меня крайне огорчила та кампания, которую в начале прошлого года провел ваш журнал против Василия Аксенова. Тенденциозная подборка писем-откликов, последовавшая за публикацией отрывка из его книги, напомнила многим «проработку» писателя в русле традиций ушедших лет...

— Анатолий Наумович, и, наконец, наш третий, традиционный вопрос: были ли в вашей жизни ситуации, о которых вы вспоминаете с улыбкой?

— Конечно, вот одна из них. Писать я начал поздно, после того как вернулся с войны. Мне уже исполнилось 37 лет, когда я отнес рукопись своей первой книги в издательство — это была приключенческая повесть «Кортик». С ней я пришел в редакцию приключений и фантастики Детгиза. Долго, почти год ждал ответ. Наконец позвонили. «Да,— говорит редактор,— что-то в вас есть. Но книга должна быть приключенческой «до конца», а у вас там какие-то школьники путаются, пионеры, комсомольцы. Их бы надо убрать. А не хотите — так попробуйте предложить рукопись в редакцию детской и юношеской литературы...» Я переделал повесть, несколько «убрал» пионеров и комсомольцев. Через два месяца возвращаюсь с новым вариантом. А того редактора, что давал мне советы, сняли, и его обязанности по совместительству исполнял заведующий редакцией детской литературы. Он взял рукопись, прочитал. «Да,— говорит,— что-то в вас есть, законы жанра вы знаете. Но, понимаете ли, у вас получился какой-то американский боевик, как «Знак Зорро»... Вы бы показали приметы тех советских 20-х годов, тогда, кстати, как раз зарождалось пионерское движение, ну, комсомол еще, понимаете?..» Вернулся я домой, вставил назад все, что недавно выбросил, и вскоре вышла первая в моей жизни книга...

НА ПУТИ К ИЗВЕСТНОСТИ

1928 год. Ученик 9-го класса Толя РЫБАКОВ.

В ПЕН-центре побывал Рэм ПЕТРОВ.

О. ЭСТИС.

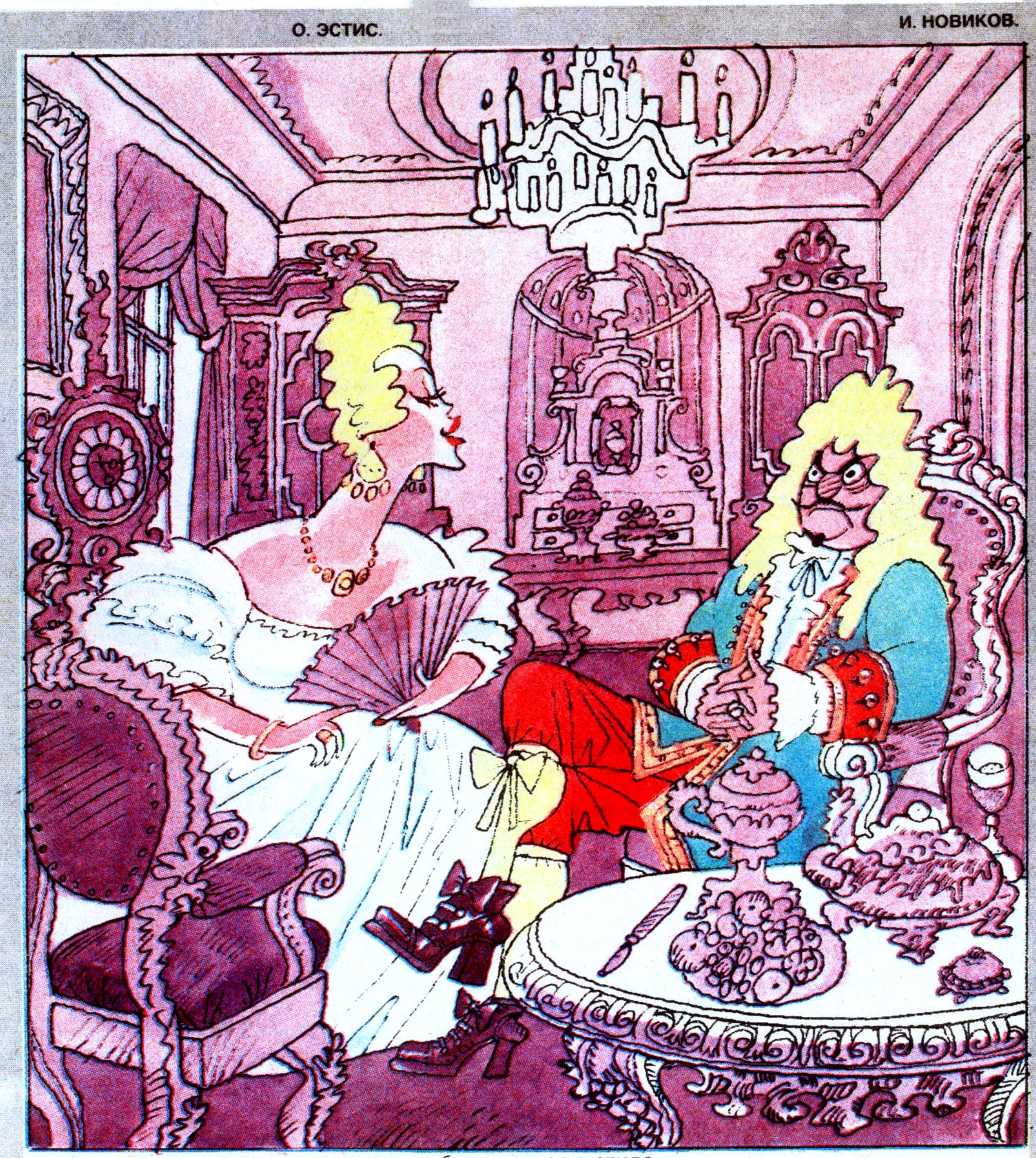

ОТМЫВАЮТСЯ

И. НОВИКОВ.

С. СПАССКИЙ.

— Надо бы записаться на новую мебель в твоем стиле.

В. МОЧАЛОВ.

ТРУСЦОЙ НА ПАРНАС!

Дружно лозунги-плакаты
Поменяли бюрократы
И кричат наперебой:
«Бюрократам смертный бой!»

А. Гуров, г. Энгельс.

Он с трибуны обличает
Дикий сталинский террор.
И к возмездию взывает,
Как Вышинский-прокурор.

А. Киданов, директор школы, Курская область.

В магазине купить —
на базаре продать.
Это чистой воды спекуляция!
А на базе скупить —
по патенту продать
Называется кооперация.

К. Пьянков, г. Киров.

Прозвали водителя Дедом Мазаем:
В автобусе «зайцев» он возит,
мы знаем.
Отъедет за город Мазай и вдали
В карман собирает с «зайчишек» рубли.

Б. Иванов, пенсионер, г. Иваново.

Залповые выбросы Череповецкого комбината, содержащие ядовитые соединения, повторяются регулярно.

Возле Рыбинского моря
Раньше мы не знали горя,
А теперь мы ждем конца
От клоак Череповца.

В. Сорокин, электрик, г. Рыбинск.

РУБАИ

Когда в плену твой разум
у тщеславных дум,
Когда бразды правленья
потерял твой ум,
Когда не идеалам служишь,
а идейкам,—
Тогда одно лишь создаешь —
тщеславья шум.

Таврис Нургалеев, с. Стефановка, Крымская область.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Пусть в магазине «Мясо»
Заменят продавцы
Название «Колбасы»
На лозунг: «Колбасы!»

* * *

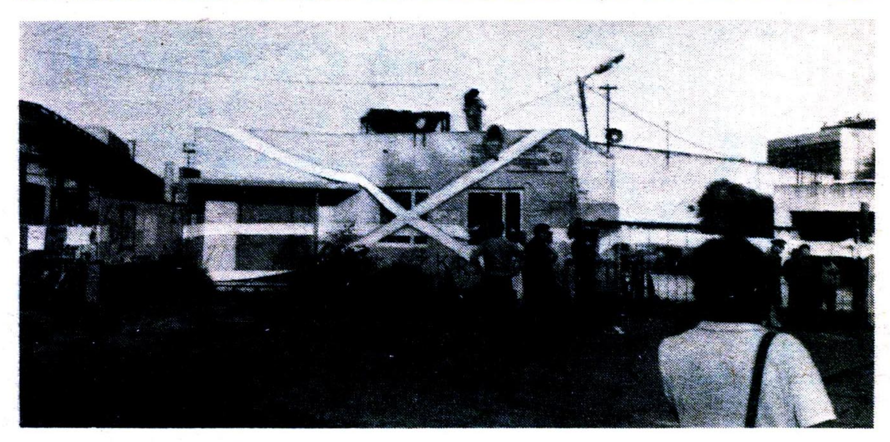
Трусость выдавить из масс —
Дело непростое...
И сатира на Парнас
Семенит Трусцою.

Е. Мельков, артист, г. Владивосток.

Какая незавидная судьба:
В себе давить покорного раба,
Прекрасно зная —
шеф твой, все едино,
Давить в себе не станет господина...

Я. Соловьев, врач, г. Кострома.

Не плюй в колодец!..

Гр. КРОШИН, специальный корреспондент Крокодила

ЗАЛПЫ ПОСЛЕ ЗАТИШЬЯ

Как я стоял в юрмальском пикете

ЧУТЬ-ЧУТЬ ДЕТЕКТИВА

В тесной рижской улочке давний мой знакомец местный кинохотник Леня Бруштейн, встретив меня, сказал заговорщически:

— Дело есть. Подскочим на Слокский ЦБЗ?

Салон «уазика» был битком набит киношниками и аппаратурой. Поехали. Минут через сорок режиссер Леня шепчет:

— Понимаешь, вчера милиция разогнала ребят, затолкала в автобусы. Поглядим, что будет сегодня...

— А что должно быть сегодня?

— Пикеты «зеленых» у целлюлозно-бумажного. Начнут разгонять, а мы незаметненько подползем и все, что надо, снимем...

Тормозим неподалеку от ворот завода, за кустами. Режиссер Леня выглядывает в щелку между шторками и... хохочет в голос:

— Ха-ха-ха! Ну молодцы!

Ничего не понимаю: кто молодцы? Оказывается, все, кроме нас. Здесь уже нашей машине и встать-то негде: пространство заполнила толпа пикетчиков, а главное, полно телевизионщиков, фотокоров из газет и любителей, радиожурналистов с микрофонами...

Оглядываюсь. Никакой суеты, милиции нет, никто никого не разгоняет, все спокойно, даже и не верится, что готовится противостояние. Узнаю: участники пикета — члены местного Клуба защиты среды, в основном студенты творческих вузов, молодые художники, актеры, архитекторы, музыканты. Этакие ряженые: тут и там маскарадные одежды, атрибуты, изображающие экологическую смерть, противогазы, респираторы, белые халаты, черные очки. Двое пикетчиков раскатывают рулон белой бумажной ленты, а затем аккуратно оклеивают ею контору завода, словно перечеркивая его крест-накрест. Плакаты, требующие закрыть завод. На халатах ярко-красные пятна гуаши — «кровь». Мимо меня гордо проходит «смерть» с косой в руках... Впечатляет.

Вдруг — визг тормозов. Оборачиваюсь: подъехали к заводу два грузовика с прицепами, доверху груженные деловой древесиной — сырьем для целлюлозы. А затормозили резко, так как уперлись бампером в людскую стену: пикетчики встали поперек дороги. И я с ними.

После десятиминутных препирательств, выругавшись в воздух, шофер второго грузовика неуклюже разворачивается и... уезжает. За ним и первый. Победа?!.

О ЧЕМ РЕЧЬ?

Не о том ли заводе, спросит читатель, о котором дважды в прошлом году (№№ 8 и 26) просигналил Крокодил? Не о нем ли был этот текст в фельетоне «Затишье после «Залпа»:- «...Коварнейшими залпами обстреливает ни в чем не повинную Юрмалу расположенный на курорте Слокский целлюлозно-бумажный завод Минлеспрома СССР»?.. О нем, прав читатель. Так что же,— все течет и ничего не меняется? ЗА ГОД?!.

Ответим так: хотя действительно попрежнему все течет (в смысле вытекающих в реку Лиелупе, а значит, и в Рижский залив отравляющих заводских выбросов), но... кое-что и меняется. А именно: завод уже не Минлеспрома СССР. Передан в ведение республики. Но и не Миндревпрома ЛССР, которого за это время не стало, а нового Госкомпрома Латвии.

И на заводе тоже кое-что сдвинулось с места. С места директора сдвинули повинного в ядовитых залпах Мекка. Сдвинули, правда, с повышением — ныне он как бы даже над заводом: зам. генерального директора объединения Латбумпром, коему завод подчинен. А прежнего главинжа завода также чуть сдвинули: он теперь директор того же самого завода... А как же с сутью?

В прошлогоднем 26-м номере мы обнародовали последний вердикт ученых: **«Прекратить производство бумаги и целлюлозы на Слокском ЦБЗ в 1988 году, предусмотреть перепрофилирование завода на экологически безопасное производство...»** Вердикт был передан в Совмин республики.

И что же Совмин? «За» он или «против»? Совмин-то вроде бы и «за», да вот закавыка. «Следует отметить,— отвечает Крокодилу зав. отделом промышленности Н. Белянчев,— что в связи с острым дефицитом целлюлозно-бумажной продукции в стране Госплан СССР не поддерживает предложения республики о перепрофилировании Слокского ЦБЗ».

Но «зеленой» общественности такая позиция правительства не по душе. И под ее давлением Совмин принимает меры: он решительно создает... новую комиссию. Семнадцать ученых АН Латвии выдают еще одно заключение: «...дальнейшее существование Слокского ЦБЗ **несовместимо** с действующим законодательством, противоречит истинным экономическим интересам уникального по своим природным богатствам региона Рижского залива».

Одновременно Юрмальский горсовет обращается с просьбой в Москву, к Госкомприроде СССР прислать свою **объективную** комиссию на завод, чтоб дала **независимое** заключение. Что ж, союзная Госкомприрода присылает «объективную» комиссию, большинство «независимых» членов которой... бумажники. Они выносят «объективный» приговор: «Слокскому заводу... разработать... обеспечить соблюдение... представить на согласование...» и так далее. Обе экспертизы направлены в Госкомприроду Латвии. Теперь решение, значит, за ним...

— Какое там решение! О чем вы говорите?! — беспомощно разводит руками первый зампред комитета И. Эмсис.— Что мы можем?

— А кто может? — не понимаю.

— Мы ж подчиняемся Совмину. Вот если бы Верховному Совету, так сказать, парламенту, как всюду в мире, тогда другое дело...

Звоню в Совмин, первому зампреду О. Мисуркину, прошу о встрече, чтобы уяснить позицию правительства...

— Знаете, завтра сюда приезжает товарищ Гусев, зампред союзного Совмина. Вот после его визита все и прояснится с этим заводом.

ЧЕГО У НАС ТОЛЬКО НЕТ!..

Назавтра действительно завод посетил зампред Совмина СССР, председатель Бюро по химико-лесному комплексу В. К. Гусев. Вот магнитофонный фрагмент беседы на заводе:

А. Лапшин, мэр Юрмалы. Если мы прекратим варку целлюлозы на ЦБЗ, можно ли нам ждать поставки ее от союзного Совмина?

В. Гусев. В ближайшие 5 лет о поставке из союзного фонда ни грамма целлюлозы, ни грамма бумаги не может быть и речи. Вчера вот и товарищ Рыжков, и я, и товарищ Мостовой бесились (так на пленке.— **Гр. Кр.**), чтоб не остановить издательства, тащили самолетами бумагу с Запада...

Г. Лиепа, зампред Госкомприроды ЛССР. Если республика... закрывает завод,— как вы на это смотрите?

В. Гусев. Я смотрю очень хорошо. Мы потребуем через госзаказ от республики поставку той же перфобумаги — вот и все.

Р. Кукайн, академик АН ЛССР, член Верховного Совета СССР, депутат Верховного Совета Латвии. Мнение центра нам ясно. А что думает наше, республиканское правительство, какова его позиция?

О. Мисуркин, первый зампред Совмина ЛССР. Поскольку республике нужен тот объем бумаги, который мы сегодня потребляем, значит, нам надо где-то находить 30 миллионов валюты. Чтоб купить ее...

То есть тупик? Но не для всех. По мнению тех 17 латвийских ученых: «В целях кардинального решения бумажного кризиса в стране предлагаем скооперировать средства Прибалтийских республик, Белоруссии и, возможно, других республик для оперативного... строительства целлюлозных заводов». А что, может, есть смысл и так попробовать? В крайне сейчас актуальном и полезном духе интернационального сотрудничества.

Словом, экология уже становится политикой. Вот еще одно тому подтверждение. На следующий день после беседы на заводе довелось мне присутствовать на сессии Верховного Совета Латвии, где обсуждалась — среди прочих политических проблем — и проблема экологическая. Так вот депутатами было принято решение по двум важным вопросам: частному — с 1 января 1990 года прекратить производство целлюлозы на Слокском ЦБЗ, и общему — Госкомприроду ЛССР передать из Совмина в ведение Верховного Совета республики.

Все правильно: Госкомприроду надо отдать в ведение Советов. Ясно же — орган этот должен обладать истинными правами и возможностями, а не формальными, как ныне. Чтоб, когда надо, мог он и остановить вредный цех, и закрыть завод. Как в случае с этим злополучным заводом в Юрмале. Здесь-то как раз для меня лично абсолютная ясность: ЦБЗ на курорте быть не должно. Потому-то я и встал в пикет. Но...

Но одна мысль все не дает покоя. Не сможет ведь никакая Госкомприрода, самая что ни на есть независимая, все вредные объекты **закрыть:** от металлургических гигантов до гаража вблизи жилья. Ну, допустим, завтра же закроем все экологически вредное. А это в нашем отечественном варианте означает — просто все... Потому что **мы уже дошли до такого состояния**, что сегодня у нас все вредное: заводы, фабрики, агрокомбинаты, свинофермы, электростанции, каналы, плотины, химчистки... Но тогда как же жить? Без света и газа, без холодильников и брюк, без консервов и хлеба?..

Хорошо, будем не закрывать, а переносить в другое место. Но — куда? Значит, мы подышали гадостью, пусть теперь подышат другие? Попил отравы сам, дай попить соседу?

В общем, и тут нет, что ли, выхода? Упоминавшиеся латвийские ученые-эксперты убеждены, что есть: прежде всего заводы должны быть «на самом высоком **современном техническом уровне».** То есть главное — технология, она обязана быть экологически чистой. Вот и все. И это не какие-нибудь там утопии. Такие технологии уже имеются, придуманы, действуют в мире. Но, может, у нас об этих чудесах никто не ведает? Почему же, еще как ведают. В мире-то бываем, не гнушаемся...

— Недавно в Финляндии,— делится впечатлениями В. К. Гусев,— меня возили на один бумажный завод. С совершенно замкнутым циклом, с нулевыми выбросами! Они говорят: завод XXI века!

Так неужели ж, Владимир Кузьмич, будем терпеливо ждать наступления XXI века? Можем ведь и не дождаться... Да и будет-то у них — не у нас! И кому же, кажется, как не главе химико-лесного комплекса громадной страны, стремглав и у нас не внедрять аналогичное? Вместо традиционных, порядком уже надоевших констатаций: ни грамма бумаги нет, ни грамма целлюлозы нет, ни пятого нет, ни десятого... Действительно, чего у нас только нет!.. Но — так ли уж совсем ничего? Что, и мозгов инженерных нет уже? Или желания пошевелить ими за зарплату? А может, напрочь испарилось умение научно планировать, вместо того чтоб «беситься» каждый раз Председателю Совмина и его замам?..

Так чего же все-таки нет, Владимир Кузьмич, и что наконец надо сделать, чтоб появилось? Такой вот вопрос к вам у Крокодила.

Латвийская ССР.

КИНОЗУБ

ОПАЛЕННЫЕ КОНЪЮНКТУРОЙ,

или Киноспекуляция на тему...

Отброшу ложную скромность и процитирую самого себя: «Даже не знаю, как начать. Уж больно — прошу прощения за невольную тавтологию — тема больная для всех нас. Афганистан. Вернее, те, кто вернулся оттуда домой. Живые и мертвые, как в телефильмах «За все заплачено» и «Белые вороны». Художественный кинематограф еще не подобрался к этой теме». Так я писал в газете «Советская культура» в начале года. И далее — о тех ремесленниках от искусства, для которых эта тема стала лишь выгодной конъюнктурой. И о самих телефильмах, скроенных по единому шаблону. Лихие хлопцы-десантники возвращаются «оттуда» домой, где застают полный кавардак во всех сферах — от социальной до экономической, а посему активно включаются в перестройку. Правда, в основном кулаками, коими разгоняют всевозможные мафии, а попутно сдают досрочно газопровод («За все заплачено»), возрождают заброшенные деревни («Не забудь оглянуться»), разоблачают коррумпированные городские власти («Белые вороны»). А остальной народ при этом пьет и безмолвствует. Так что после просмотра данных фильмов у зрителей невольно возникает желание разогнать Верховный Совет и передать его полномочия паре батальонов «афганцев» — этих подлинных «прорабов перестройки быстрого реагирования» (уж тогда-то и мыла, и сахара вдоволь будет!).

Так вот теперь к этой теме не только телевизионщики, но и киношники **подобрались. Лента узбекских кинематографистов** (авторы сценария А. Файнберг и В. Трунин, режиссер Ю. Сабитов) называется «Опаленные Кандагаром». Итак, возвращается бравый капитан-десантник Хайдаров из Афгана после тяжелого ранения, а его родной папа в тюрьме сидит, куда его, безвинного, засадила «бензиновая» мафия с нефтебазы. И хотя папа давным-давно бросил семью, сыновнее сердце не камень, и герой начинает действовать, ибо прокуратура, естественно, бездействует. При полном параде Хайдаров заявляется к главному мафиозо — директору этой самой нефтебазы и, строго посмотрев ему прямо в глаза, предлагает явиться с повинной (такой пустяк, как полное отсутствие доказательств вины, героя не смущает, он, очевидно, врага нутром чует). А директор в отместку натравливает на него своих подручных — «королей бензоколонки» во главе с отрицательным «афганцем», предавшим память о фронтовом братстве. Мерзавцы поначалу избивают Хайдарова, а потом зверски измываются над его подругой (представляете, шестеро здоровенных мужиков толкают беззащитную женщину в лужу!). Правда, потом Хайдаров устраивает им матч-реванш по каратэ, в результате чего сдает в органы предателя-«афганца» и «вырубает» остальных бандюг, а сам героически гибнет. Но когда на следующее утро гад-директор торжествующе шествует по территории базы и злорадно улыбается, то перед ним, как в сказке, вырастает штук шесть готовых к бою «афганцев» — друзей Хайдарова, которые эффектно застывают на экране в духе финальной сцены «Ревизора». Все, комментарии, как говорится, излишни. Конец фильма. Можно снимать следующий.

А не хотите про Афган, давайте про проституток. Вон и первая ласточка по имени «Интердевочка» промелькнула. Теперь можно и о просто «девочках» — скромных труженицах привокзальных площадей и неинтуристовских гостиниц — рассказать. Дарю идею, товарищи кинематографисты! Тут главное — побольше жалостливости насчет нечеловеческих условий их работы и лежачего образа жизни. А если их обрядить в школьную форму, на грудь — комсомольский значок? Представляете, какая кино-, а также телеклубничка со слезой может получиться?

А наркоманы? Тут вообще золотая жила, если вдуматься. Только чур не углубляться, социальных корней, экономических предпосылок и прочую скучную ерунду не затрагивать, особенно если фильм предназначен для телеэкрана. Тут другое важно — антураж, «оживляж», «развлекаж». Чтоб долго шприцем в вену «ширяли», чтоб актеры натурально «ломку» изображали, а актрисы нагишом в сценах наркотических оргий разгуливали (впрочем, еще лучше снимать победительниц конкурсов красоты — конечно, они по части актерского мастерства не очень, зато в сценах «после шестнадцати» необыкновенно эффектны). А если добавить сюда «дюдюктив» — с молодцеватым всезнающим генералом, опытным, но не седовласым полковником (это чтобы отойти от стереотипов фильмов 50-х годов), бандой наркоманов — совратителей и растлителей, использующих для этой цели кафе с символическим названием «Красный мак», их несчастными жертвами — сиротками братом и сестрой, парой молодых и сверхположительных героев (он — шофер, она — лаборантка), неким зловещим среднеазиатским «Шахом» — дважды Героем соцтруда и председателем колхоза, а на самом деле главой наркобизнеса, а также вечно очаровательной Людмилой Гурченко в роли его иностранной сообщницы и, наконец, густо сдобрить все это драками и автопогонями, то и получится новый фильм киностудии имени А. Довженко «Дорога в ад» (сценарий М. Канюка и В. Шарова, постановка Н. Засеева).

А если честно, то это даже не конъюнктура, а просто откровенная спекуляция на больных и острых для всех нас проблемах. И тут уже шутить не хочется, ибо когда все на продажу, когда боль одних становится для других лишь поводом для создания очередной коммерческой кинопустышки, то становится не смешно, а обидно и горько и за эти фильмы, и за их создателей.

П. СМИРНОВ.

В. ЛУГОВКИН.

Жизнь замечательных сатириков

Дмитрий Дмитриевич Минаев 1835—1889

В редакции «Петербургской газеты» было многолюдно. То и дело появлялись репортеры, литераторы, посетители. Однако многолюдье не препятствовало вдохновению Дмитрия Минаева. Усевшись за чей-то стол, он за несколько минут написал стихотворный фельетон, в котором не было ни одной помарки. Теперь наступило время экспромтов и каламбуров, очень любимых читателями.

Область рифм — моя стихия,
И легко пишу стихи я.
Без раздумья, без отсрочки
Я бегу к строке от строчки,
Даже к финским скалам бурым
Обращаясь с каламбуром.

— Тебя ль я вижу, любезный друг! — воскликнул, входя в комнату, Гавриил Жулев, приятель Минаева, тоже поэт и опасный соперник по части отыскания оригинальных рифм. После взаимных приветствий друзья по обыкновению заключили пари: кто быстрее подберет рифму к какому-нибудь трудно рифмующемуся слову. На сей раз таковым, по предложению Жулева, стало слово «окунь». Минаев думал недолго.

— А помнишь, мы с тобой ездили верхом на загородный пикник? — спросил он. — Я всю дорогу острил, а ты пребывал в задумчивости и безмолвствовал...

— Как не помнить! — подтвердил приятель удивленно. — Так что ж из этого?

В ответ Дмитрий Дмитриевич продекламировал:

— Верхом мы ездили далеко
И всю дорогу шли конь о конь.
Я говорлив был, как сорока,
А ты, мой друг, был нем, как окунь.

На звучный голос Минаева в комнату один за другим потянулись желающие стать очевидцами вдохновенного фейерверка остроумия. Доброжелательная общительность поэта, снискавшего славу короля рифмы, притягивала точно магнитом. Каждый мог предложить ему подыскать рифму к любому слову, зная, что такие просьбы всегда по душе Дмитрию Дмитриевичу.

— Я вот недавно с Кавказа приехал. На Тереке побывал,— вступил в разговор один литератор. — Так там меня уверили, что к слову «Терек» есть лишь одна рифма — «берег». Или это не так?

— Разумеется, не так,— улыбнулся Минаев. — Судите сами:

От буквы «а» до буквы «ерика»[1]
Я рифму к «Тереку» искал.

Нет ничего прекрасней Терека,
Его долин, брегов и скал.

Легко подобрав рифмы еще к трем предложенным словам и подарив слушателям несколько экспромтов, Дмитрий Дмитриевич решительно поднялся. Его ждали сегодня еще в двух редакциях. С легкой руки Минаева непременной принадлежностью каждой солидной газеты сделался стихотворный фельетон на злобу дня, и фельетонные обозрения, написанные самим родоначальником нового жанра, неизменно пользовались у читателей огромным успехом. После закрытия в 1873 году лучшего сатирического журнала «Искра», в котором мог полностью раскрыться многогранный талант поэта, он, не прерывая отношений с другими журналами, принужден был перейти к постоянному сотрудничеству в газетах, фельетоны которых давали более широкие возможности для деятельности сатирика.

По дороге из одной редакции в другую предстояло обдумать ответ на полученное накануне письмо маститого библиографа. Составляя фундаментальный словарь русских писателей, он убедительно просил Дмитрия Дмитриевича прислать сведения о себе, необходимые для написания биографической статьи.

...Дворянский род Минаевых не отличался древностью — его основоположником был дед Дмитрия Дмитриевича. Начав службу рядовым солдатом, он дослужился до офицерского чина, с которым обрел право на потомственное дворянство. Долгие годы отдал военной службе и его сын, окончивший ее подполковником. Круг интересов Дмитрия Ивановича Минаева отнюдь не ограничивался служебными обязанностями, как это часто бывало в среде армейских офицеров николаевского времени. Он был художником и поэтом.

Его стихи печатались на страницах столичных журналов и альманахов. В 1839 году о них с похвалой отозвался В. Г. Белинский, увидевший в одном из стихотворений нового поэта решительный талант. В Симбирске, где в тридцатые годы жили Минаевы, Дмитрий Иванович увлеченно работал над переводом «Слова о полку Игореве», который справедливее было бы назвать вольным поэтическим пересказом. Благодаря отцу будущий король рифмы с детских лет полюбил поэзию.

В 1847 году Дмитрий Иванович был переведен в Петербург и переехал с семьей в столицу. Там он определил сына в Дворянский полк — привилегированное учебное заведение для отпрысков благородного происхождения. Здесь младший Минаев познакомился с Василием Курочкиным, который тоже учился в Дворянском полку. Их первые опусы были помещены рядом в рукописном журнале, выпускавшемся учащимися. Впоследствии написанные ими произведения будут часто соседствовать на страницах «Искры», редактором которой станет Курочкин, а одним из самых деятельных авторов — Минаев.

После окончания в 1852 году курса учения будущий король рифмы несколько лет служил в земском отделе министерства внутренних дел. Однако кипучая, непримиримая к ограничениям натура поэта не могла долго переносить скучного однообразия канцелярской жизни. В 1857 году Минаев выходит в отставку и посвящает свою жизнь поэзии.

Талант молодого поэта был в скором времени замечен и по достоинству оценен. С начала шестидесятых годов он становится активным автором трех самых прогрессивных журналов того времени — «Современника», «Русского слова» и «Искры». Особенно деятельно он сотрудничает в «Искре». (После закрытия в 1866 году «Современника» и «Русского слова» поэт будет сотрудничать в продолживших их традиции журналах «Отечественные записки» и «Дело».)

Когда в 1862 году начал издаваться сатирический журнал «Гудок», редактором его был избран Минаев. С первого же номера новое издание привлекло пристальное внимание читателей. И неудивительно — на заглавной виньетке журнала был изображен А. И. Герцен, державший знамя с надписью «Уничтожение крепостного права» и обращавшийся с речью к толпе жадно слушавших его крестьян и демократической молодежи. (Даже само имя Герцена почиталось в то время запретным.) В бессильной злобе взирали на издателя «Колокола» помещики, чиновники, офицеры — они также были изображены на виньетке. Номера нового журнала, раскупавшиеся нарасхват, вызвали страшный переполох в высших сферах. По личному распоряжению Александра II крамольная виньетка была запрещена.

...Минаев шагал по Невскому проспекту, стройный, красивый, похожий на Байрона, — и гордо поднятой головой с кудрявыми волосами, и мягкими чертами проникнутого благородством лица, но с долей русского удальства, столь свойственного волжанам. Его то и дело окликали знакомые, раскланивались, останавливали, чтобы сообщить новость или узнать о ней мнение поэта. Дмитрий Дмитриевич оставался верен себе — редко когда он не отвечал остроумным экспромтом, зачастую с каламбурной рифмой.

Завидев шедшего навстречу злейшего литературного противника — критика реакционной газеты «Новое время» В. П. Буренина, неустанно травившего в своих статьях все, что только подвергалось травле, поэт, указывая на пробегавшую мимо собаку, громогласно воскликнул:

По Невскому бежит собака,
За ней Буренин, тих и мил...
Городовой, смотри, однако,
Чтоб он ее не укусил!

Молниеносная быстрота, с которой Минаев сочинял остро отточенные эпиграммы, поражала всех, кто его знал. Как-то раз в кругу писателей он услышал о том, что молодой литератор сочинил донос.

— Кто бы подумать мог! — сокрушенно вздохнул кто-то. —Ведь он такие надежды подавал!

— Нельзя довериться надежде.
Она ужасно часто лжет.
Он подавал надежды прежде,
Теперь доносы подает,—
ответил Дмитрий Дмитриевич.

Несколько дней спустя в компании литераторов шел разговор об итальянском певце Энрико Тамберлике, гастролировавшем в России. Беседа была прервана неожиданным появлением сочинителя доноса.

— Ба, русский Тамберлик! — воскликнул при виде его Минаев.

— Я — Тамберлик? — изумился тот. · Почему?

— А то как же! — отвечал поэт:

Я не гожусь, конечно, в судьи,
Но не смущен твоим вопросом.
Пусть Тамберлик берет до грудью,
А ты, мой друг, берешь до носом.

Не менее изумляла современников и способность Минаева легко, без всякой подготовки говорить стихами на заданную тему. Однажды, гуляя с актером И. П. Киселевским по Невскому, Дмитрий Дмитриевич попросил его достать ложу на бенефис.

— Читай стихи от Александринки до Адмиралтейства, тогда исполню,— отвечал актер.

И поэт тут же, на ходу, сочинил целую поэму, которую декламировал вплоть до самого Адмиралтейства.

Вот и сегодня поэт по обыкновению щедро рассыпал экспромты по дороге до самого подъезда «Биржевых ведомостей», в редакции которых с нетерпением ждали Дмитрия Дмитриевича и его нового фельетона.

...После смерти Минаева историки литературы подсчитают, что, если собрать все его произведения, разбросанные по страницам многочисленных журналов и газет, и издать полное собрание сочинений поэта, оно бы составило не менее пятидесяти объемистых томов. По его содержанию можно было бы судить, каким поистине многогранным талантом обладал он,— стихи сатирические, юмористические и лирические, оригинальные и переводные, фельетоны в стихах, фельетоны в прозе, пародии, эпиграммы, повести, драматические сцены, пьесы... Однако прежде всего Минаев был сатириком. Его произведения — всегда острые, злободневные, оригинальные — составляют своеобразную сатирическую летопись, которая велась поэтом на протяжении тридцати пяти лет и отражала все события того времени.

Тяжелое положение крестьянства, мало изменившееся после отмены крепостного права, глубоко волновало Минаева. Громкие и трескучие тирады о народном благе либералов, не способных понять беды и нужды народа, вызывали возмущение и негодование поэта. В сатире «Свой своему вовсе не брат» краснобай-барин долго и упорно допытывается, каков гражданский идеал встречного мужика, и остается глух к его горю.

Сатирик решительно опровергал утверждения официозных публицистов о якобы наступившей эпохе гуманности и прогресса, обнажая непримиримость социальных противоречий:

Труд от зари до зари,
Бедность — что дальше, то хуже...
Голод, лохмотья — внутри,
Блеск и довольство — снаружи...
Шалости старых повес,
Тающих в креслах балета...
«Это ли русский прогресс?» —
«Это, родимые, это!..»

Убежденный и последовательный демократ, Минаев резко отрицательно относился к консервативному дворянству. Он высмеивал представителей «благородного» сословия, по-прежнему, как и в былые годы, несмотря на материальное и духовное оскудение, претендующих на первое место в обществе, привыкших к роскошной жизни, презирающих труд и не способных к нему. В стихотворении «Протест» один из подобных высокородных тунеядцев с негодованием изрекает:

К труду, к мозолям и утратам
Привык плебей иной, холоп...
Но сесть за труд аристократам?!.
Скорей пущу я пулю в лоб!

Обличал сатирик и новую общественную силу, возникшую в семидесятые — восьмидесятые годы,— приобретателей и накопителей, воротил и дельцов капиталистического толка.

Ныне властные хозяева
Кто, скажи-ка, на Руси?
Ты об этом Колупаева,
Разуваева спроси,—

писал он в сатире «Современные герои».

Чутко откликаясь на события политической жизни, Минаев отметил в начале шестидесятых годов, когда царское правительство было напугано ростом революционного движения, повсеместное появление в обществе агентов тайной полиции, ставших поистине вездесущими. Он создает стихотворение «Кто он?», зловещая фигура «героя» которого неожиданно возникает всюду — в театре, клубе, ресторане, на литературных чтениях, в редакции либеральной газеты, вызывая везде тревогу и опасение.

Когда в 1880 году внушавшее повсеместный ужас Третье отделение было закрыто (его функции передавались департаменту полиции), поэт откликается на это саркастическим стихотворением, в котором от имени ретроград «сожалеет» об упразднении столь полезного учреждения и в котором многократным рефреном звучат слова об известном всей России зловещем здании у Цепного моста.

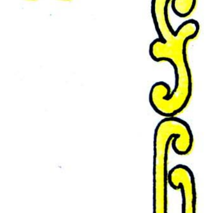
Цензурные условия нередко препятствовали стремлению сатирика писать обо всем прямо и откровенно, однако он все же ухитрялся довести крамольную мысль до читателей, прибегая к намекам и недоговоренностям, которые они разгадывали. Когда осенью 1861 года в Петербурге прошли студенческие волнения, жестоко подавленные столичными властями, Минаев пишет вполне невинное на первый взгляд стихотворение «Кумушки», излагавшее разговор двух любительниц посудачить. Однако в этих стихах скрывался глубокий смысл: они были построены на столь любимых поэтом каламбурах и метили в главных «усмирителей» студентов — военного губернатора столицы П. Н. Игнатьева и оберполицмейстера А. В. Паткуля. Так, реплика одной из кумушек «лупят под лопатку ли» означала: «лупят подло Паткули», а слова «гнать, и гнать, и гнать его» следовало читать: «гнать и гнать Игнатьева».

В 1880 году, когда в обществе стали раздаваться все более громкие голоса о необходимости введения конституции в России, Минаев создает «Современные стансы», каждая строфа которых завершалась строкой: «Нужна нам кон...». Неоконченное слово предлагалось отгадать читателям. И хотя лукавый поэт сам подсказывал безобидные концовки: «концессия», «конно-железная дорога», «консервативная газета», вводившие в заблуждение цензуру, истинный смысл загадочного слова был ясен читателям.

Не оставлял Минаев без внимания и события литературной жизни. Нельзя не восхищаться отвагой поэта, решившегося в середине шестидесятых годов, когда умы молодого поколения волновали статьи Д. И. Писарева, бросить вызов кумиру молодежи. Ниспровергая авторитеты, критик в чрезмерной запальчивости выступил со статьей «Пушкин и Белинский», в которой отрицал значение пушкинской поэзии для современности и перечеркивал роман «Евгений Онегин». Забывая о том, что герой романа жил в совершенно иную эпоху, он предъявлял ему серьезные обвинения как к герою настоящего времени. Смелым и оригинальным ответом Минаева была блистательная пародия на ошибочные воззрения Писарева — «Евгений Онегин нашего времени».

Словно выполняя требования радикального критика, пародист переносит пушкинского героя из двадцатых годов в шестидесятые, делает его современником почитателей Писарева, превращает светского денди в «скроенного по Базарову» нигилиста, режущего лягушек и бранящего искусство и поэзию.

Оригинальность содержания Минаев искусно совместил с мастерством формы — пародия написана классической «онегинской» строфой:

Он не толкался в модном свете,
Прочел названья многих книг;
Не размышлял о туалете
И никогда волос не стриг.
Умел он в споре ядовито
Воскликнуть вслух: «Вот дураки-то!»
Умел врага отделать в пух:
«Шекспир ваш — то же, что лопух!»
Готовый с яростью ужасной
Свалить любой авторитет,
Хотя б его ценил весь свет,
И скоро критик первоклассный
С большою смелостью решил,
Что он умен и очень мил.

Когда некогда известный беллетрист граф В. А. Соллогуб, стремясь восстановить утраченную популярность, выступил в Обществе любителей российской словесности с чтением воспоминаний, в которых рассказывал о своем знакомстве с великими писателями, без ложной скромности выставляя на первое место свою персону, Минаев высмеял хвастовство титулованного сочинителя в остроумном фельетоне. Кого только из знаменитостей ни знавал его герой — все они открыто потешались над будущим незадачливым мемуаристом:

Карамзина я знал, как вас,
Не счесть его услуг.
Хоть Николай Михайлыч раз
Сказал: «Ты глуп, мой друг».
Сам Грибоедов мне сказал,
Вот так же, у огня,
Что он Молчалина списал
С меня, друзья, с меня!
Меня почтил своим стихом
Сам Пушкин, наш певец:
«Люблю тебя, сосед Пахом...»[2]
Я позабыл конец.

...Очень общительный и жизнерадостный, веселый и остроумный, наделенный, по свидетельствам современников, благородной душой и нежным сердцем, Минаев был глубоко несчастлив в семейной жизни. Его жена была далека от литературных интересов поэта и не разделяла его взглядов. Стоит ли удивляться, что Дмитрия Дмитриевича редко можно было застать дома — он уходил утром и отсутствовал до позднего вечера.

...Неустроенность жизни Минаева постепенно расстроит его здоровье. Покинув в восьмидесятые годы Петербург, поэт проведет по советам врачей несколько лет на юге, лишь изредка наезжая в столицу (к тому времени он разойдется с женой), а за два года до смерти вернется в родной Симбирск. По его завещанию поэта похоронят не в дворянской усыпальнице, ограниченной стенами Покровского монастыря, а в окружении вековых лип на старом кладбище, расположенном на берегу Волги, где особенно чувствуются красота и простор великой русской реки.

До конца жизни Минаев сохранит верность сатире. Его не изменят ни преследования цензуры, ни надзор тайной полиции, ни заключение в Петропавловской крепости, узником которой он станет в 1866 году, когда после покушения на Александра II Д. В. Каракозова Россию захлестнет волна политических репрессий и многие прогрессивные писатели будут арестованы.

Прекрасно зная силу смеха, не только разрушающую, но и созидающую, поэт писал в программном стихотворении «Смех»:

Всегда неподкупен, велик
И страшен для всех без различья
Смех честный — живой проводник
Прогресса, любви и величья.

Рыцарем честного смеха и был Дмитрий Минаев. Неустанный борец с окружающим злом, поэт верил в победу добра и справедливости.

— Почему вы подписываете свои фельетоны инициалами «Д. М.»? — спросили его однажды.

— Для того чтобы каждый мог сказать мне: «Вы добро мыслите»,— ответил поэт.

Алексей КОРНЕЕВ.

[1] «Ерик» — старинное название Ь — одной из последних букв русского алфавита.

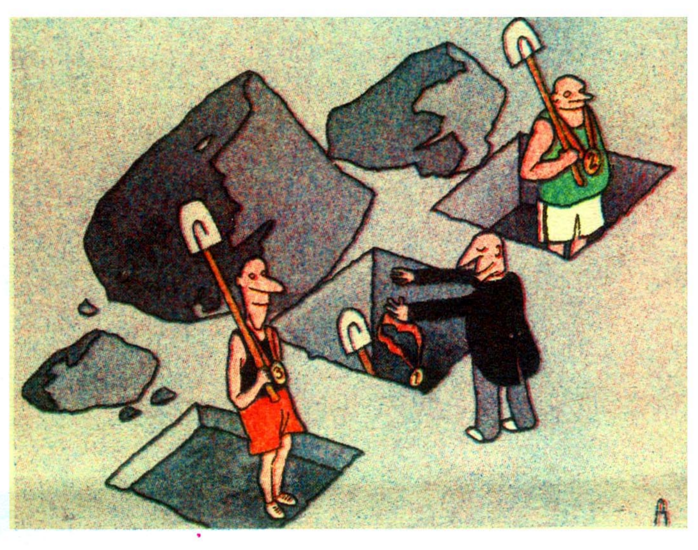

[2] Известная эпиграмма Пушкина, которая кончается так:
Люблю тебя, сосед Пахом,
Ты просто глуп — и слава богу!
(Прим. Д. Минаева.)

КРОКОДИЛИНКИ

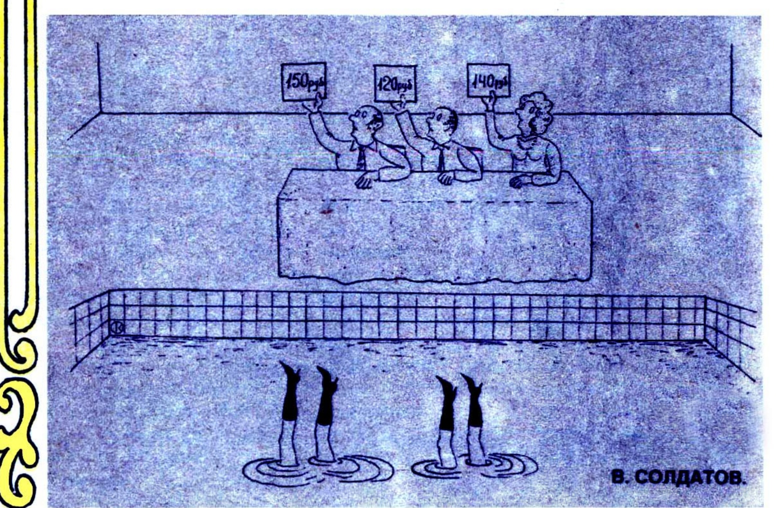
А. АЛЕШИЧЕВ.

Л. ПЛЫГАНЬ, г. Кишинев.

В. ДУБОВ.

В. СОЛДАТОВ.

«УМ И ТАЛАНТ СПАСУТ САТИРУ...»

В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛА — ВАЛЕНТИН ПЛУЧЕК И КОНСТАНТИН РАЙКИН

Сатира переживает тяжелые времена... Многие сатирики — писатели, артисты — жалуются, что не поспевают за публицистикой, что устарел лозунг «Утром — в газете, вечером — в куплете», так как и в вечерней газете появляется что-нибудь свеженькое.

Однако судя по тому, как посещаются всевозможные сатирические спектакли, концерты, шоу, до кризиса жанра далеко. Аншлаги!

Проблемы и перспективы излюбленного нами (и любимого многими нашими читателями) жанра волнуют Крокодила. Сегодня за нашим «продолговатым столом» — Валентин Плучек и Константин Райкин. Выбор собеседников отнюдь не случаен. Во-первых, несмотря на зигзаги судьбы, два возглавляемых ими театра давно и надежно работают, так сказать, при переполненных трибунах. Во-вторых, сами они — люди в сатире и юморе компетентные.

Кстати, у обоих театров и их худруков сразу по нескольку юбилеев. Московскому академическому театру сатиры — 65 лет, его главному режиссеру, народному артисту СССР Валентину Николаевичу ПЛУЧЕКУ — 80 лет и 40 лет работы в этом коллективе, московскому театру «Сатирикон» — 50 лет, а заслуженному артисту РСФСР Константину Аркадьевичу РАЙКИНУ — скоро 40 и два года работы худруком.

Пышные юбилеи нынче не в чести. Так что просим, коллеги-юбиляры, считать настоящее предисловие поздравительным адресом и перейдем к делу.

Дружеские шаржи В. МОЧАЛОВА.

КРОКОДИЛ. Начнем разговор, так сказать, от печки. Что есть, на ваш взгляд, сатира и какова ее судьба в эпоху гласности?

В. П. Сатира — это способ отражения действительности в литературе и искусстве, у которого (способа) есть установка на осмеяние негативных явлений. Ум и талант спасут Сатиру.

К. Р. Сатира — это оружие атаки. А атака нынче очень актуальна. Мое увлечение этим жанром началось, как и у многих, с литературы: Гоголь, Свифт. Сатира — это мой отец.

Нынче сатире, безусловно, тяжело. Еще совсем недавно она была, так сказать, «назывательная». Уже просто назвать явление считалось не только сатирой, искусством, но и подвигом. Теперь уже солененьким, «жареным» не прикроешься. Недаром мы назывались театром миниатюр, а теперь — театром «Сатирикон». И настало время заниматься Искусством. От назывательной функции сатира, на мой взгляд, должна перейти к исследовательской. Говоря словами Козьмы Пруткова, сатира в эпоху гласности и перестройки должна «глядеть в корень».

КР. О сатире в театре мы поговорим чуть ниже. А пока скажите, на ваш взгляд, происходят ли изменения «на театре» вообще?

В. П. Безусловно. Что мешало все эти годы? Перестраховка, оглядка на Минкульт, репертком, главлит. Конъюнктура. И карьеризм, вытекающий из первых двух бед. Мне кажется, что и сегодня театр не лишен карьеризма. Объявили, например, что на сегодня самое важное — совесть, правда. Завтра появляется сто пятьдесят спектаклей о совести, правде. Но то, что благодаря перестройке теперь можно затрагивать самые острые проблемы, вне всяких сомнений.

К. Р. На мой взгляд, театры не составляют авангард перестройки. Да и не только театры. Но, скажем, и театральные критики. Я был на итоговом собрании критиков. Это было убогое зрелище. И если бы я не знал, куда попал, то решил бы, что это заседание лаборатории, скажем, неорганической химии. Настолько все было неживое.

КР. Мы, наконец, добрались до театральной сатиры...

В. П. В годы застоя, когда мы говорили об отдельных недостатках в отдельных местах, тогда театральная сатира была на коне. Сегодня наша публицистика, пресса ведут такой массированный обстрел недостатков, о котором во время оно сатира и мечтать не могла. Конечно, можно было бы сдаться на милость победителя. Но, на мой взгляд, стоит пристальнее взглянуть, а что же такое наша отечественная сатирическая классика.

Русская сатира никогда не занималась обличением какого-нибудь одного зла, а через характеры, через общечеловеческие проблемы — добра и зла, нравственности — она поднималась до глубочайшего обобщения и рассматривала Человека.

Истинная театральная сатира может быть только высокохудожественной. Я сейчас репетирую пьесу Войновича «Трибунал». Это публицистика с четко выраженной гражданской позицией.

КР. Ваши театры понесли тяжелейшие потери. Как теперь сложится их судьба? Остались ли корабли ваших театров на плаву?

В. П. И Папанов, и Миронов — уникальные явления. Меня лично постигла не только человеческая, но и художественная катастрофа: вышли из строя почти все мои лучшие спектакли. Пробоина в корпусе корабля такая, что я считал: он должен уйти на дно.

Но вот получилось, что в сезон серьезнейших утрат табличка «Все билеты проданы» осталась на своем месте. На «Самоубийцу» ломились. Репертуар держали такие мастера, как Ширвиндт и Державин, Менглет и Рунге, Васильева и Аросева, Ткачук и Мишулин...

К. Р. Задумываясь о будущем своего театра, Аркадий Райкин в последние годы все больше стал склоняться к мысли, что его театр должен стать ансамблевым. Ставить не только современных авторов, но и классиков, «высокую» драматургию.

Но место, которое занимал в Театре А. Райкин, принадлежит ему и больше никому. В том числе и его сыну. Я не могу носить одежду своего отца — она мне велика. Аркадий Исаакович не мог никого ничему научить: он замечательно показывал, как нужно играть ту или иную роль. Но никто этого не мог повторить.

Так что если брать сравнение с кораблями, то того корабля уже нет, он ушел. Продолжая образный ряд, на том, большом корабле возникла верфь, на которой строился новый корабль. Того корабля уже нет, а новый пустился в новое плавание.

Тем более бредово звучит заявление некоторых начальников, что мы должны бороться за имя Аркадия Райкина. Это то же самое, что и обсуждать, достоин ли я отчества Аркадьевич. Должен ли я бороться за это отчество? Оно мне досталось от рождения. И этот театр также рожден Аркадием Райкиным и, естественно, должен носить его имя. Ну, а если я плохо руковожу, то меня надо уволить из театра имени Райкина. И имя здесь ни при чем.

Интересно, в какой борьбе, каком соцсоревновании театру Пушкина присвоено его название, а театр у Курского вокзала добился, заслужил имя Гоголя?

КР. А теперь честно, без утайки: отношение обоих к театру «Сатирикон»?

В. П. Я ни разу не был в этом театре, поэтому судить не берусь и отношения никакого не имею.

К. Р. Для того чтобы хоть как-то оценить его беспристрастно, надо из театра уйти. Пока же он вся моя жизнь. Думаю, что я самый играющий из всех драматических актеров страны: я играю 300 (триста) спектаклей в год. В течение семи лет. И, наверное, я самый играющий художественный руководитель в мире.

КР. И теперь столь же откровенно об отношении к Театру сатиры?

В. П. Этот театр — моя жизнь и судьба. На меня, выражаясь фигурально, катят баллон, что я, мол, не подготовил себе замену, не занимаюсь, так сказать, воспитанием кадров. Ну, во-первых, я выпестовал Марка Захарова, и теперь это Художник. Во-вторых, я долгие годы выдвигал на режиссуру своих первых артистов. И Андрей Миронов, например, поставил сам четыре спектакля. А также Ширвиндт, Мишулин, Зоненштраль...

Далее: мне бросили обвинение в этакой узурпации власти в Театре сатиры, вроде я приобрел его в пожизненное пользование. Скажу сразу, что труппа не будет терпеть застойного режиссера сегодня — есть тому известные факты.

Есть упреки и в том, что мы не соответствуем своему назначению, названию. Я с этим не согласен. «Самоубийца» Н. Эрдмана, «Страсти Черноморья» Ф. Искандера — это именно Сатира.

К. Р. Ну, мы — из названия это следует — как бы соперники и соратники. К сожалению, я никогда не был особым поклонником этого театра. Там были прекрасные мастера: Папанов, Миронов. Работают хорошие артисты, в частности замечательный А. Ширвиндт. В свое время я многое смотрел в этом театре, но уже давно в нем не был. И вообще лучшее, что я там видел,— это спектакль «Доходное место» в постановке Марка Захарова, с Андреем Мироновым в главной роли. А вот «Трехгрошовая опера», на мой взгляд, не получилась.

КР. У вас появилась масса конкурентов на эстраде: театр М. Жванецкого, «Моно» Г. Хазанова, сатирики, сами читающие со сцены свои творения. Не страшно ли?

В. П. Я симпатизирую всему сатирическому на подмостках и, кроме радости от сосуществования с теми, кто сатиру делает не так, как мы, ничего не испытываю.

К. Р. Чем больше будет таких опытов, тем лучше. Лучше для зрителей. Лучше для искусства. Однако я у них пока не видел ничего нового, ничего свежереволюционного. В «тюрьме» мы развивались, но в тюрьме редко прорезаются крылья и проявляются гении. Надо подождать.

КР. И последний, самый актуальный вопрос: главное событие в вашей личной жизни за последний год?

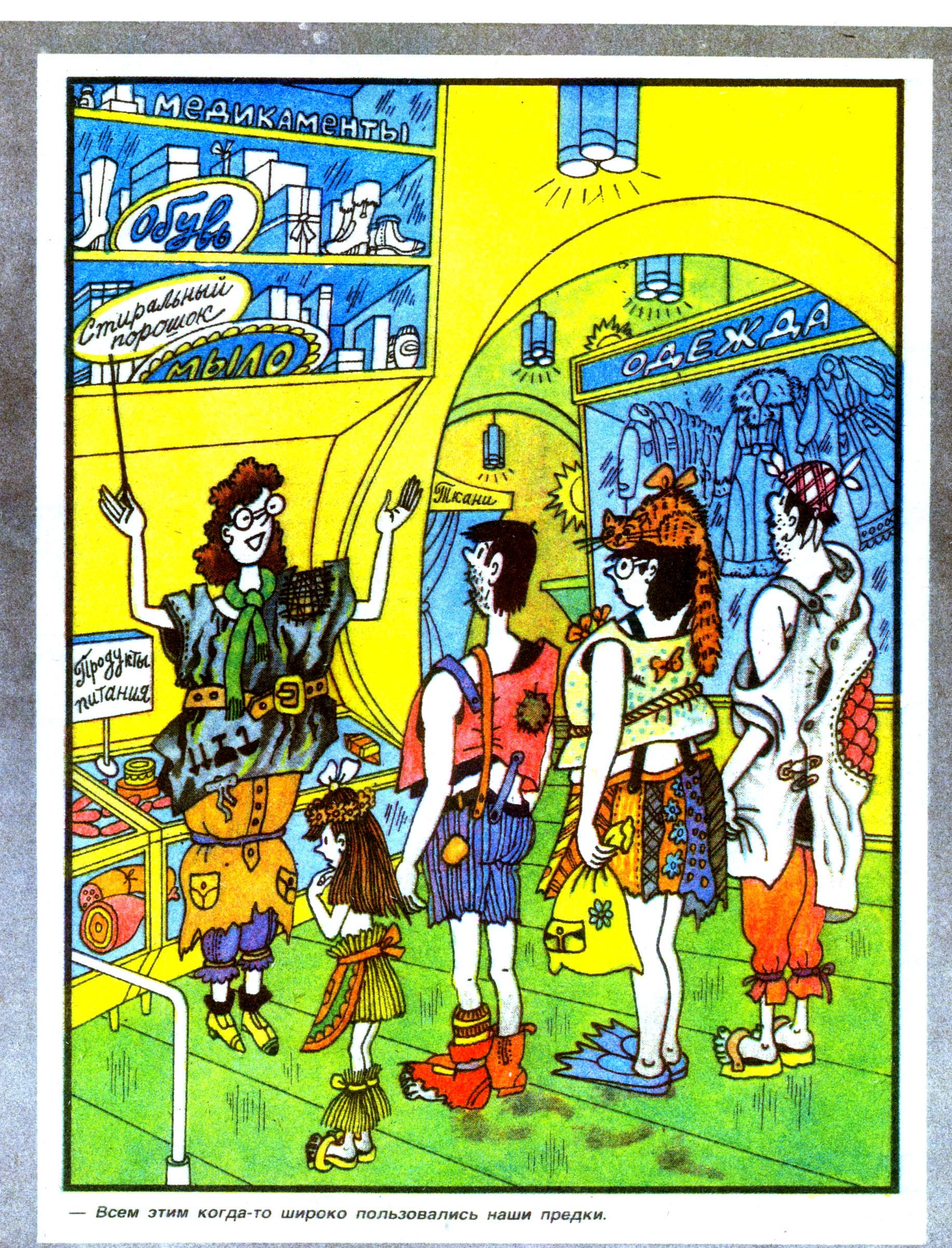
В. П. Мне исполняется 80 лет. Но событие это или нет, я пока не знаю.

К. Р. У меня родилась дочь. Я ее ждал пятнадцать лет.

С коллегами-юбилярами беседовал Рубен БЕКНАЗАР-ЮЗБАШЕВ.

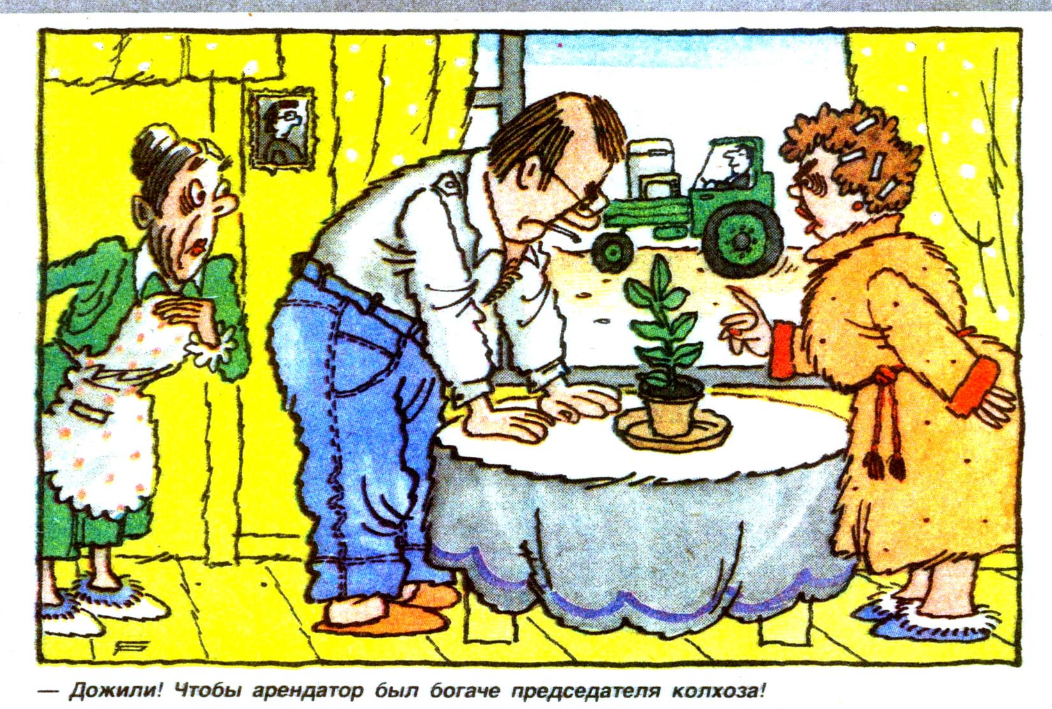

О. ТЕСЛЕР, Р. САМОЙЛОВ (тема).

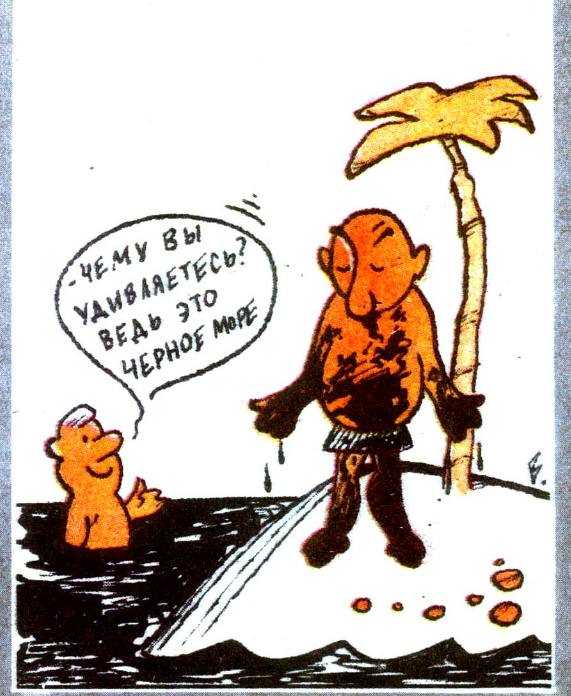
— Всем этим когда-то широко пользовались наши предки.

В. ШКАРБАН, В. ВЛАДОВ (тема).

— Дожили! Чтобы арендатор был богаче председателя колхоза!

Р. САМОЙЛОВ, Р. ДРУКМАН (тема).

М. ВАЙСБОРД.

Пролог

ТОМАС ДЖОНСОН ПОЯВЛЯЕТСЯ В ЖУКОВКЕ

«Читать теперь стало интереснее, чем жить»,— заметил недавно один остроумный и наблюдательный человек

И писать, добавим, тоже. Все больше «горячих точек», все меньше «закрытых тем».

Наши коллеги-соотечественники, подобно золотоискателям поры расцвета Клондайка, столбят информационные жилы, намывая из серого песка будней сверкающие крупинки сенсации:

— Я открыл путан!

— А я — рэкет!

— А я, братья, казанского людоеда нарыл!

Западные журналисты, скорбевшие прежде по поводу скудного рациона новостей, ныне в один голос признают, что жить им стало лучше, жить им стало веселее.

Вот и Томас Джонсон, корреспондент французского журнала «Актюэль», следуя примеру многих своих собратьев по перу, поспешил в СССР, чтобы засвидетельствовать происходящие здесь перемены, позитивные или наоборот. Правда, маршрут его следования пролег вдалеке от наших «горячих точек» и привел Томаса в точку прохладную и лесистую: подмосковный дачный поселок Жуковку, где расположены дачи многих представителей советской элиты, от партийно-государственной до творческой и научной.

...«Водки в Москве почти не найдешь»,— примерно так начинает свою статью в журнале «Актюэль» Джонсон. Пусть так, но у нас есть основания полагать, что для него лично вопрос так остро не стоял. Может, у него с собой был «Наполеон», предположим. Иначе трудно объяснить, почему, по его словам, сразу за Триумфальной аркой их «плимут-каравелла» повернул влево. Данный маневр неминуемо привел бы Томаса на Поклонную гору, заблаговременно, правда, срытую.

«Нас обгоняет черная машина КГБ. Машины КГБ узнают по их номеру: буквы ГАЛ с номером из четырех цифр». Откуда ГАЛ? «Гулаг», что ли, «Архипелаг»? А «Л»? «Лубянка»?

Прибыли в Жуковку. «Привратник в голубой униформе, в фуражке со звездой, изображающей великого Ленина, приветствует и рассматривает нас». Звезда, изображающая кого бы то ни было, даже и Ленина, выходит далеко за рамки нашего скромного воображения. Разве что «привратник» приспособил себе на манер кокарды октябрятскую звездочку внука. Первые посиделки: «пью восхитительный грузинский зеленый чай, которого в Москве уже целый век днем с огнем не сыщешь». Напротив, коллега: как раз зеленый, да еще грузинский № 36, только и сыщешь...

Что же дальше? Дальше попурри из фрагментов бесед с обитателями Жуковки, каскад имен: Солженицын (который, по Джонсону, тоже имел тут дачу, да еще чуть ли не дарованную Берией, хотя на самом деле жил у Ростроповича), Сахаров, Сталин, Шостакович, Хрущев, Молотов, тот же Ростропович, Микоян, Брежнев... Все это сопровождается подробностями «из жизни советской элиты», живыми, но не страдающими документальной точностью.

Мы, конечно, понимаем: для того, чтобы постичь некоторые советские реалии, нужно родиться здесь и жизнь прожить. Известная поверхностность взгляда была предопределена положением «жуковского десантника». Но, не скроем, нас несколько удивило, что журналист не заметил сюжетного поворота, представляющего большой человеческий интерес.

Это история дружбы двух молодых людей на фоне больших политических перемен. История о том, как в трудную пору они смогли поддержать друг друга. История двух соседей по Жуковке. Они вместе пришли в редакцию «Крокодила», чтобы рассказать ее нам и нашим читателям, хотя в этой истории нет ничего смешного. Одного из них зовут Дмитрий Сахаров, второго — Андрей Брежнев.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДРУЖБЫ

МЫ ЖИЛИ ПО СОСЕДСТВУ, ДРУЖИЛИ ПРОСТО ТАК...

— Дима, ты «старожил» Жуковки? — спросили мы Сахарова.

— Родился я в 1957 году, а в Жуковку впервые попал в 72-м.

— А ты, Андрей?

— Я в Жуковке с 1975-го. Мне тогда было четырнадцать.

— Вы живете в Жуковке на одной улице?

— Фактически напротив друг друга,— говорит Андрей.

— И как же вы познакомились? Как складывались ваши отношения?

— Как познакомились? — Андрей на секунду задумывается, оглядывается на Диму, словно бы испрашивая консультации.— Черт, кто бы мне сказал, как мы познакомились? Как вообще знакомятся в дачных поселках? Собственно, в Димкин дом я впервые попал вскоре после приезда в Жуковку.

— Верно ли, Дима, что многие дачи дарил Берия? Твоему отцу, например?

— Изначально это был поселок академических дач. Дачи эти были подарком государства: люди, которые их получили, занимались одной «вещицей»... А Берия был куратором проекта атомной бомбы, это общеизвестно. Дачи нельзя считать его личным подарком.

— Скажи, а вообще вопрос о бомбе в твоей семье был табу?

— Папа ни разу не произнес слова «бомба» в кругу семьи. Я о ней узнал в возрасте пяти лет от грузчиков из соседнего магазина, где брал деревянные ящики для костра. Они мне сказали: «Ты, малыш, костерчики жгешь, а твой папа такое зафигачил!»

— Грузчики-то откуда могли об этом узнать?

— Да это же русская земля; здесь все известно! А понял я, что такое бомба, лет в двенадцать. И сразу испытал отвращение к ней. Я посмотрел какой-то фильм, то ли в кино, то ли по телевизору, и понял, какая это страшная штука.

— Вернемся к вашему знакомству. Была вторая половина 70-х, и в ту пору твой отец, Дима, был уже широко известен как ведущий правозащитник, или, как тогда говорили, диссидент. Кем был твой дед, Андрей, вряд ли стоит пояснять. Не было ли политических туч на горизонте вашей дружбы?

— Нет, не было,— говорит Андрей твердо.

— Ну, пошептывание за спиной я ощущал чуть ли не со дня рождения,— признается Дима.

— Вероятно, у вас с Андреем это общий знаменатель...

— Вероятно, конечно, бывало всякое. Помню, в 14 лет перевелся я в другую школу, 2-ю физико-математическую, я ведь хотел стать физиком. И вот 1 сентября, знакомство с классом, с учителями, первый урок — химия. Педагог Клавдия Андреевна Круковская (самый, наверное, нелюбимый персонаж, хотя там замечательные учителя были) доходит до моей фамилии: «Сахаров?» Говорю, да. «Тот самый Сахаров?» Ну да, тот самый. Она смотрит на меня, выдерживая паузу, и с презрением заявляет: «Не повезло. Ой как не повезло!»

— Кому не повезло? Ей или тебе?

— Не знаю. Во всяком случае, я в тот же день получил двойку по химии. Потом в 75-м я поступил в университет на физфак. Прошел тютелька в тютельку, набрав баллы. В то время ректором был прекрасный человек Рем Викторович Хохлов. Не сомневаюсь, если бы кто-нибудь попытался оказать на него давление, в том смысле, что, мол, стоит ли принимать в университет сына Сахарова, он ответил бы однозначно.

— Дима, конечно, мог мечтать стать физиком, как отец, но ты, Андрей, даже в самых дерзких мечтах вряд ли представлял себя на посту генсека...

— Передо мной был пример отца, который работал в системе внешней торговли. Я видел, что от своей работы он получает удовольствие. И мне захотелось стать коммерсантом, грубо говоря, торгашом... В 78-м году окончил я 711-ю школу, это на Кутузовском, без всяких уклонов, без ничего, и... откровенно говоря, я мог стать кем угодно, геологом, медиком, но пошел в МГИМО, только не на привилегированный факультет МО (международные отношения.— Прим. ред.), а на МЭО, экономический. Повторяю, хотел работать, как отец, что бы о нем ни говорили...

— А что о нем говорили?

— Ну, сын Брежнева, что тут еще говорить...

Андрей Брежнев (слева) и Дмитрий Сахаров.

— Злые языки утверждали, что Юрия Леонидовича назначили заместителем министра внешней торговли, желая преподнести подарок его отцу, твоему деду, к юбилею.

— Когда отца сделали замом, он просто-напросто расстроился. И никто не вспоминал, что он на заводе работал, кончал Академию внешней торговли, начинал в объединении инженером...

— Скажи откровенно, Андрей, ты был уверен заранее, что поступишь в МГИМО?

— Честно говоря, подсознательно я понимал, что поступлю, но мне было бы жутко обидно, если бы на экзаменах я оказался хуже других.

1980-Й И ДРУГИЕ ГОДЫ

— Вернемся в Жуковку, в год 80-й, когда твоего отца, Дима, сослали в Горький. Кстати, «взяли» его не на даче?

— Нет, в Москве, на Ленинском проспекте, когда он выходил из Физического института. Впрочем, об этом лучше прочитать в папиных книжках.

— А чем ты занимался в 80-м, Дима? Кем был?

— Советским безработным! Так что факт ссылки отца не мог повлиять на мой социальный статус.

— Безработным? Тебя что, исключили из университета? За...

— Разгильдяйство! За дело, в общем. Было, было к чему придраться: академические задолженности и т. д. Судьба моя как физика не сложилась, хотя, пока я учился на физфаке, со стороны большинства педагогов встречал самое внимательное и сочувственное отношение. К себе да и к личности моего отца. Но настал момент, когда я понял, что физик я никакой, что совсем не хочу заниматься физикой. А репрессий против меня лично не было.

— Но какие-то изменения в твоей жизни произошли?

— Ну, скажем, через пару дней после того, как папу сослали в Горький, на даче отключили телефон. В половине первого ночи раздался звонок некоего Тома Кента, который представился корреспондентом Ассошиэйтед Пресс. Он спросил, знаю ли я что-нибудь об отце. Я ничего не знал. После этого телефон был отключен. И, между прочим, не восстановлен до сих пор.

— Дима, а кого ты склонен обвинять в том, что твоего отца сослали в Горький?

— Лубянку.— Для убедительности он повторяет: — Конечно, Лубянку.

— Андрей, а ты как думаешь, кто нес ответственность за ссылку Сахарова?

— Если говорить начистоту, то, конечно, дед.

— Но он не был инициатором этого,— уточняет Дима.

— Да, не он приказал сослать Сахарова в Горький, но то, что это произошло с его ведома,— безусловно,— говорит Андрей.

— Дима, конкретный повод для ссылки — протест твоего отца против войны в Афганистане?

— Бесспорно, тут прямая фактологическая и эмоциональная связь.

— Не можем не спросить: какова ваша оценка этой войны?

— Не сделать этого в тот момент мы не могли,— убежденно говорит Андрей.— Это сейчас уже можно делать более глубокий анализ альтернатив.

— У тебя с дедом или вообще в семье были разговоры на эту тему?

— Были разговоры, но не со мной, я просто слышал. Общий вывод: иначе было невозможно. Да, иначе было невозможно.

— Дима, а ты говорил об этом с отцом?

— Насколько помню, об этом — нет. Но сам всегда относился к этой войне, как к войне американцев во Вьетнаме. Столь же бесполезная, столь же политически неправомерная война.

— Дима, а к отцу в Горький ты ездил?

— Конечно. Два раза в месяц, продукты возил... Вообще отношение к отцу в самом Горьком со стороны людей было очень доброжелательным и сочувственным. Конечно же, папа знал это, хотя было и другое. Не знаю, как дело обстояло с «глушилками» радио для городского населения, но, похоже, у моего отца была персональная. Чтобы узнать последние новости, он слушал радио — «голоса», конечно. Однажды он показал мне, как действует его персональная «глушилка»: включил радио, сначала все было слышно замечательно, через три минуты включилась «глушилка», и что-либо услышать стало немыслимо. Иногда, как рассказывал папа, «разрешали» послушать побольше, иногда врубали «глушилку» сразу. Не знаю, от чего это зависело, то ли от настроения тех, кто этим занимался, то ли от иных причин, но выглядело это как настоящая демонстрация мощи данного ведомства...

— А как складывались твои отношения с друзьями после 1980 года?

— Многие отошли, любимая девушка вдруг перестала со мной встречаться. Ей просто запретили родители. Вообще на первых порах, если говорить честно, приходилось туго, порой просто нечего было есть. Тогда я взял и пошел точить ножи и ножницы по подъездам, очень выручало. Ну, и друзья помогали. Кстати, когда отца сослали в Горький, первым ко мне пришел Андрей.

— Андрей, а в твоей семье не было разговоров о ссылке Сахарова?

— Были, но не со мной. Говорили, кажется, как-то за обедом.

— И никто из твоего окружения не сказал тебе: Андрей, мол, куда ты идешь, не знаешь, чей он сын...

— Был только один случай, когда мне задали подобный вопрос. Я сидел у Димки, и вдруг пришел один человек, не стану говорить кто, и вытащил меня оттуда. Ты что, дескать, не соображаешь, что и как и к чему все это тебе? Я был тогда гораздо моложе, подчинился, конечно, но, когда мы уходили, Димка сказал хорошую вещь, она была и осталась между нами... Он сказал: «Давай договоримся, что наши дела останутся нашими делами, а политика — политикой». И я это прекрасно запомнил.

— Прости, Андрей, но у нас уговор: обо всем — начистоту. Как ты лично оцениваешь деятельность Андрея Дмитриевича Сахарова?

— Мое мнение: этот человек «делал» нашу бомбу, это великий и светлый ум, дай бог ему здоровья. Его политические убеждения — это **его** политические убеждения. У меня могут быть такие же или другие, не суть важно...

— Мы исходим из вашего принципа: дружба вне политики, а значит, наши вопросы не могут бросить тень на ваши отношения... Дима, а твое мнение о Леониде Ильиче Брежневе?

— В свое время я рассказывал о нем много анекдотов, но никогда не считал это какой-то политической доблестью. Леонид Ильич был далеко не самым плохим руководителем нашего государства. Могу назвать худших, на мой взгляд.

— Андрей, когда не стало деда, ты был на практике в Лондоне...

— Да. Пришла телеграмма за подписью Громыко — первым же рейсом прилететь в Союз. Больше ничего в ней сказано не было. Особого значения я ей не придал — мало ли что может случиться, но настроение как-то испортилось, и я пошел спать. Буквально через полчаса приходит Надя, супруга моя: «Сейчас там по телевизору передавали, что по Москве ходят слухи, будто дед умер». Ну, тут уж мне все стало ясно. Не скажу, что катался по полу, мучился безумно... Внутренне я как-то был готов к этому... как и дед сам.

— Статус твоей семьи и твой лично, естественно, изменился. Правда ли, что ты потерял работу в МИДе?

— Да, это так.

— После чего?

— После статьи Евгения Додолева в «Неделе».

— Неужели пресловутые «оргвыводы»? А с Додолевым ты не беседовал?

— Я с ним увиделся впервые уже после выхода статьи в свет.

— Как это? А сцена в ресторане, которую он описывает? Вы разве там не встречались?

— Нет. Потом он мне сказал: «Мне нужна была «шапка». Мне нужна была красивая «шапка». Так и сказал. Я спросил его: «Слушай, зачем ты это написал? Я похож на того грешника, которого ты описываешь?» Он ответил, что, может, что-то и перепутал. «А зачем тебе это было нужно?» — «Так для статьи же! Я на гребне, я первым «открыл» проституцию».— «Ну, я здесь при чем?» — «Знаешь, я не думал, что это так тебя коснется».

— А что произошло после этой статьи в МИДе?

— Заставили написать объяснительную, «почему я сидел и пил коньяк». Это же был пик борьбы с пьянством.

— Непонятно. Ты что, был в командировке?

— Нет, в отпуске. Да и не в этом дело: никаких сцен в ялтинском ресторане вообще не было! Ну, написал я объяснительную, а затем последовал прозрачный намек... Меня просто мягко попросили, я написал заявление об уходе, положил удостоверение.

Я понимал, что после смерти деда я стал «невыездным», а что это означает для работника МИДа или МВТ — сами можете догадаться...

— Как ты думаешь, а министр был в курсе?

— Эдуард Амвросиевич — очень порядочный человек, я его глубоко уважаю... Он к этому не имеет никакого отношения. Со мной беседовал кадровик, функционер. Он говорил со мной по-человечески, и я его понимаю: он оказался как между двумя жерновами.

— А ты, Дима, до сих пор безработный?

— Нет. Я всерьез занялся фотографией. Примерно год назад я окончательно понял, что это — мое. Ведь в свое время я, может, не так уж и хотел стать физиком, но была огромная степень предопределенности моей судьбы моим папой, другими родственниками, я не видел иной стези, кроме поступления на физфак, точно так же, как и моя покойная мама. Елена Боннэр ведь мне неродная мать...

— Андрей, был ли Дима в числе тех, кто поддержал тебя в не самые, скажем так, солнечные твои дни?

— Димка? Он был одним из первых! А может быть, и самым первым...

— История повторяется, зачастую обращаясь в фарс. Не находятся ли такие, кто сегодня говорит тебе, Дима: «Что ты с ним общаешься? Его дед развалил страну, выслал твоего отца...»?

— Даже самые радикально настроенные из моих знакомых, например, Олег Целков — он теперь известный художник, живет в Париже — никогда не говорили мне такого. Но можно смоделировать собирательный образ этакой партийно-правительственной бабушки с психологией обывателя, которая в 80-м пеняла Андрюше: «Ты ведь хороший мальчик, зачем же ходишь по кружку с Димой Сахаровым?»,— а теперь поучает меня: «Димочка, не совестно тебе гулять с Брежневым?» Лица одни и те же, и прошло-то меньше десяти лет. Я не хочу, чтобы мои поступки предопределяло чье-то чужое мнение. Я всегда дорожил независимостью.

— Последний вопрос. Почему вы пришли к нам, в «Крокодил»? Почему решились на эту беседу?

— Я думаю, все те статьи, которые были напечатаны об Андрее, попросту неприличны,— отвечает Дима.— Те, кто вел в печати кампанию против моего отца, тоже любили красивые «шапки». Разве нет в этом горькой иронии?

— Моя бабушка,— говорит Андрей,— собирает старые журналы, подшивает их. Когда я стал сравнивать, что писали одни и те же люди, скажем, до 1953 года и в конце 50-х, в 60-е и сейчас, я просто в голос смеялся...

Эпилог

СКРОМНЫЕ УРОКИ

Рассказана житейская история. История дружбы двух молодых людей на фоне больших политических перемен.

Лет 50—60 тому назад наших друзей заставили бы поочередно пройти аутодафе покаяний и отречений — от отцов и близких. В 80-х это было уже невозможно. Но...

Оба друга в полной мере ощутили прикосновение Системы — и золотое, и ледяное. Мы отнюдь не склонны делать из них героев греческой трагедии, а поступки их изображать подвигом. Но в своих взаимоотношениях, поддержав друг друга и сохранив свою дружбу, они вольно или невольно нарушили идеологические табу и неписаные «правила хорошего тона», доставшиеся нам в наследство от тех времен, когда в моде были отречения. Подумайте: для того, чтобы их нарушить, достаточно было проявить элементарную порядочность и отнюдь не выходящую из ряда вон человечность...

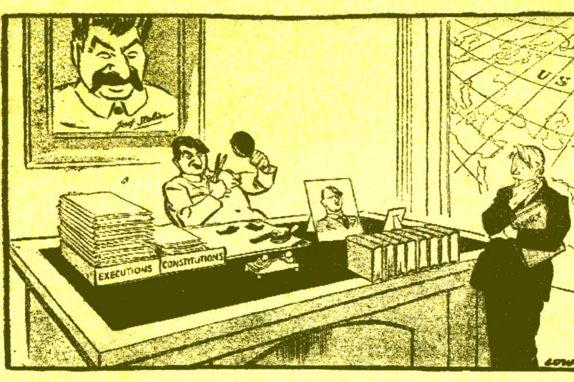
Не в том ли и заключается скромный, но грустный урок нашей житейской истории?

Андрей БЕНЮХ,
Леонид ФЛОРЕНТЬЕВ.

ПАКТ В КАРИКАТУРАХ

Не угасает и даже, пожалуй, растет интерес людей к так называемым «белым пятнам», или, по-другому, к «черным дырам» нашей истории. В частности, привлекает большое внимание советско-германский договор 1939 года, так называемый «Пакт Молотова — Риббентропа».

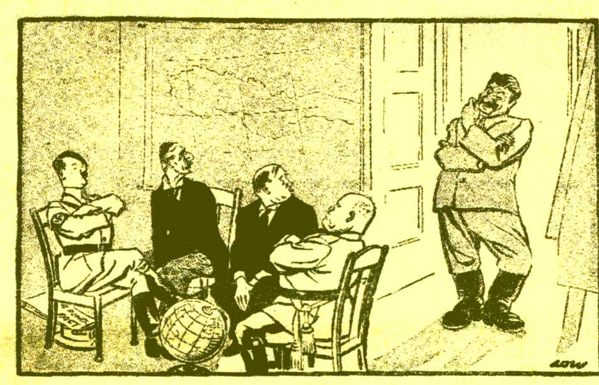
У меня сохранились любопытные отклики на этот пакт — карикатуры известного английского сатирика Дэвида Лоу. Мы познакомились с ним в 1932 году, когда он посетил нашу страну в составе британской парламентской делегации. О своей поездке в СССР Лоу впоследствии выпустил богато иллюстрированную юмористическими путевыми зарисовками книгу, проникнутую большой симпатией к советским людям.

Ноябрь 1937-го.

Надо сказать, что добрые чувства к Советской стране не помешали английскому сатирику откровенно и нелицеприятно высказать свое отношение к репрессиям и политическим процессам 30-х годов. Об этом достаточно красноречиво говорит карикатура Лоу, опубликованная в ноябре 1937 года:

— Удивительно, как вы напоминаете мне кое-кого, Иосиф... — говорит молодой коммунист, всматриваясь в Сталина, подстригающего себе усы «под Гитлера».

Октябрь 1938-го.

А вот знаменитая карикатура по поводу пакта 1939 года, изображающая «рандеву» двух диктаторов на фоне уже начинающегося военного пожара в Европе.

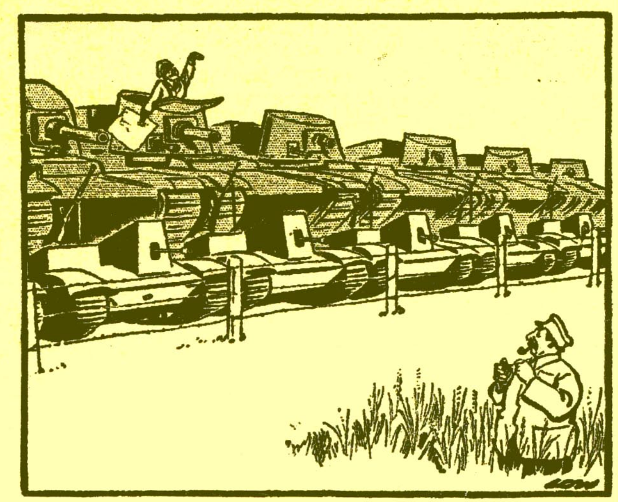
— Всемирный мерзавец, если не ошибаюсь? — приветствует Сталина Гитлер, вежливо приподымая фуражку.

— Кровавый убийца рабочих, я полагаю? — любезно отвечает Иосиф Виссарионович, с поклоном прижимая руку к сердцу.

Октябрь 1939-го.

И еще один рисунок Лоу, опубликованный в июне 1941 года, буквально за несколько дней до нападения Гитлера на СССР. Вдоль советской границы уже выстроилась железная армада фашистских танков. Высунувшись из башенного люка, Гитлер приветливо машет рукой Сталину, который невозмутимо покуривает свою трубочку, твердо, по-видимому, уверенный в лояльности и порядочности своего новоиспеченного друга.

Июнь 1941-го.

Надо ли пояснять, что подобным рисункам был тогда наглухо закрыт доступ в СССР. И все же мне довелось с ними познакомиться. Это было в 1945 году в Нюрнберге, где «карманное» издание политических карикатур Лоу я получил в подарок от их автора. Мы, четверо советских карикатуристов (Кукрыниксы и я), командированные на исторический процесс гитлеровских преступников, очень сердечно встретились там с нашим маститым английским коллегой. Нас дружески объединили и общность профессии, и радость долгожданной победы над общим врагом, и, кстати, еще то, что все мы пятеро значились в пресловутом «черном списке» гестапо, носившем деловитый заголовок «Найти и повесить».

Бор. ЕФИМОВ.

Ласло ТАБИ (Венгрия)

КИРПИЧ И «ДИПЛОМАТ»

— Предупреждаю, что чистосердечное раскаяние облегчит ваше положение.

— Конечно. Я расскажу все как было.

— Мы остановились на том, что вы надели свое лучшее пальто и отправились на вокзал «Келети». Когда это было?

— Незадолго до прибытия скорого поезда из Вены.

— Вы говорили, что у вас был с собой «дипломат». Он был пустой?

— Нет, я положил туда для веса кирпич, завернутый в газету.

— Понимаю. И что дальше? Продолжайте.

— Я заметил одного мужчину средних лет и с ним заговорил.

— О чем?

— Я его спросил, где можно поменять доллары, так как у меня нет форинтов.

— Значит, вы его ввели в заблуждение?

— Только в некоторой степени, потому что форинтов у меня на самом деле не было.

— А на каком языке вы его спросили?

— На венгерском.

— Давайте послушаем еще раз, слово за словом.

— Ну, если не ошибаюсь, я сказал: «Пожалуйста, скажите, будьте любезны, где менять доллар за форинт?»

— Ага, значит, на ломаном венгерском.

— Да.

— А после что произошло?

— Этот господин любезно взял меня под руку и повел на стоянку такси, даже помог донести «дипломат». Сказал, что с удовольствием мне поможет и проведет со мной время до вечера из чувства, так сказать, уважения к своему соплеменнику.

— И куда вы поехали с вокзала?

— Сначала на смотровую площадку на Геллерт, чтобы увидеть как следует город. Замечательный вид! Рекомендую побывать...

— Не отвлекайтесь.

— Потом мы зашли в ресторан и перекусили. Он заказал икру и пиво.

— Платил он?

— Конечно. У меня ведь не было форинтов.

— О чем вы говорили?

— Я ему рассказал о жизни там, а он мне — здесь. Потом провез по городу на такси, чтобы я увидел, как сильно изменился город.

— И вы не испытывали угрызения совести?

— Нет, потому что город на самом деле сильно изменился.

— Что вы делали потом?

— Поехали обедать в «Матяш». Мы ели замечательный рыбный суп! Рекомендую...

— Дальше!

— Платил, конечно, он. Потом мы поехали к нему домой. У него, надо отметить, очень симпатичная и любезная жена и отлично готовит. Она спросила, что бы я хотел отведать после такого долгого отсутствия. Я заказал блинчики с сыром, потому что их в Торонто не готовят. Через полчаса она их приготовила, и я с удовольствием съел штук шесть.

— И не испытывали угрызения совести?

— В честь чего? Мне говорили, что блинчики с сыром в Торонто не делают.

— Знаете, как называется то, что вы сделали?

— Нет.

— И я не знаю, но прокуратура внесет ясность.

— Но я только спросил, где можно поменять доллары.

— Но у вас не было долларов!

— Откуда у меня доллары? Я уважаю закон. Но ведь спросить человека можно, не так ли?

— Хм... Ладно. Идите. Повестку вам пришлют.

— Можно задать один вопрос?

— Пожалуйста.

— А где я могу получить обратно кирпич и «дипломат»?

Перевел Игорь ХОМИЛИН.

М. А. ди АЛЬМЕЙДА (Португалия)

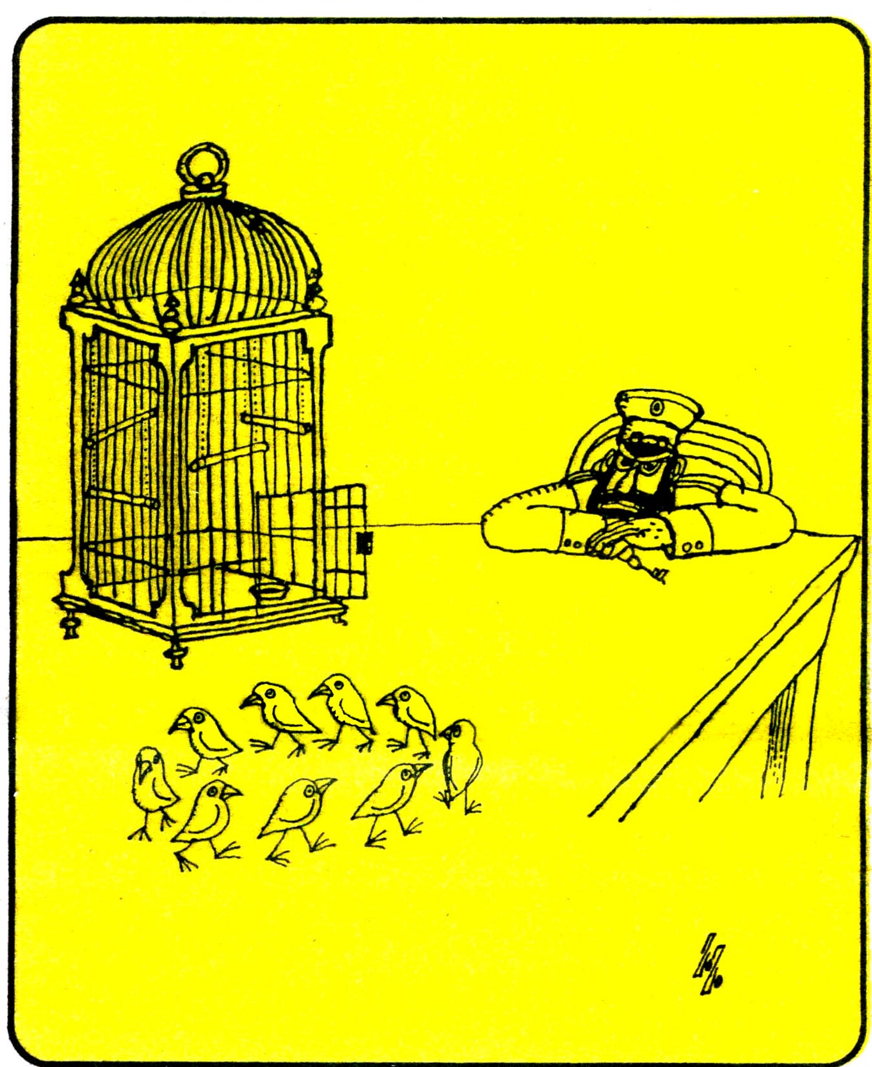
Скверно, если хорошие времена наступают после отличных.

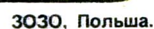
Порой только кажется, что подчиненный виляет хвостом, на самом же деле он просто заметает следы.

Не каждого склоняющего голову ждет лавровый венок.

(Из сборника «МЫСЛИМО — НЕМЫСЛИМО»)

Перевел Е. АЛЕКСАНДРОВ.

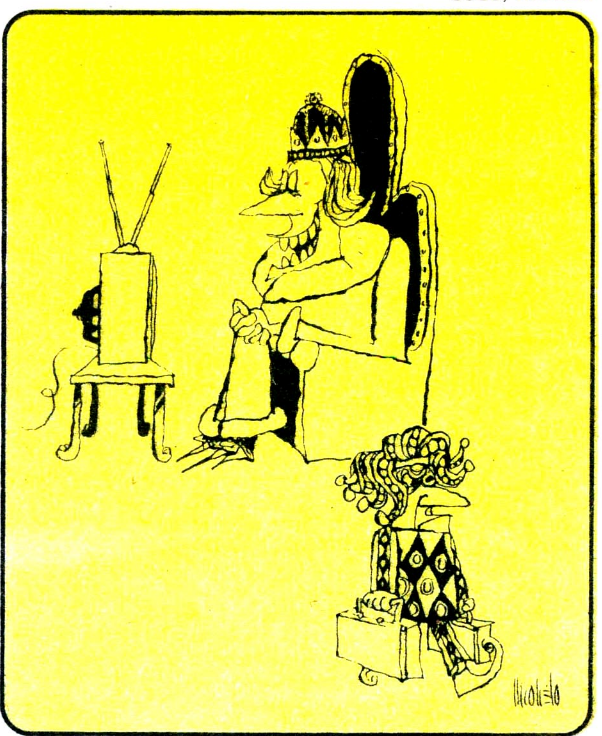

ЗОЗО, Польша.

П. СУХАР, Чехословакия.

НИКОЛЬЕЛО, Бразилия.

Жена спрашивает мужа, направляющегося на курорт без нее:

— А почему ты не надел обручального кольца?

— Кольцо в такую-то жару?

●

Шотландец продавал собаку. Американец предлагал ему за нее 50 долларов, англичанин — 40. Шотландец продал собаку англичанину.

— Почему ты уступил ее дешевле? — удивилась жена.

— Из Лондона собака сможет добраться к нам обратно, а из Нью-Йорка через Атлантический океан ей не переплыть.

●

Корреспондент берет интервью у продавца:

— Чего больше всего нет в вашем магазине?

●

На одном из перекрестков в Чикаго толпится народ.

— Почему собралось столько людей? — спрашивает прохожий. — Что случилось?

— Ничего,— отвечает ему другой прохожий.— Но каждый хочет убедиться в этом лично.

●

В парфюмерном магазине:

— Мадам, вам духи для атаки или для самозащиты?

●

— Мери, зачем ты берешь с собой бикини? Ведь ты же собираешься на нудистский пляж.

— А у нас сегодня объявлен бал-маскарад...

●

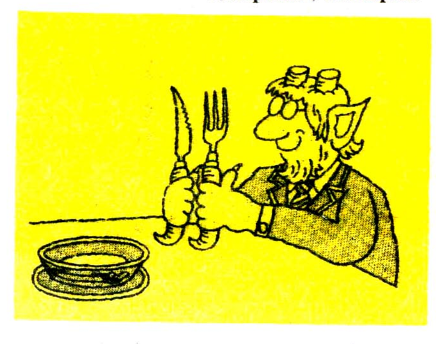
На рынке:

— Скажите, чем вы кормили своих индюшек?

— А почему это вас интересует?

— Я тоже хотела бы так похудеть...

«Стършел», Болгария.

«Рогач», ЧССР.

Огден НЭШ (США)

СВИНЬЯ

Нам искони свинья давала
Грудинку, колбасу и сало.
Все говорят: свинья щедра...
С чем я ее поздравить рад!

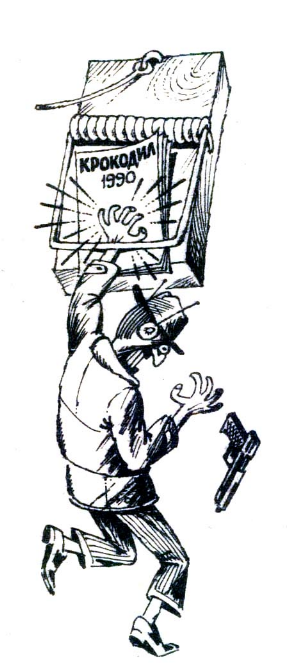
ГУСАК

Его дразнить побойся. Весь
Гусак — сплошная злость и спесь.
Привык он гневаться в гордыне
На всех, кроме своей гусыни.
Когда ж вокруг все тишь да гладь,
Он рад гусыню пощипать.
Нам объяснить сей бандитизм
Бессилен даже сам фрейдизм.

Перевела М. РЕДЬКИНА.

ПРОИСШЕСТВИЯ

КОНЕЦ РЕЗИДЕНТА

Кольцо вокруг него сжималось. Солдаты методично исследовали все уголки леса. Рация резидента была запеленгована. Засекли последнюю передачу матерого разведчика. К сожалению, она была зашифрована.

Генерал-майор в окружении полковников, подполковников, майоров, капитанов и старших лейтенантов тщетно пытался найти ключ к шифру. Цифры, только цифры...

«90704481080... 90704481080... 90704481080...»

Над разгадкой бились два дня, но безрезультатно. А первого ноября враг сам с поднятыми руками вышел из леса.

После поверхностного обыска его привели к генералу.

— Ну-ка, растолкуйте вашу шифровку,— приказал генерал.

Резидент криво ухмыльнулся.

— Я расшифрую, но вам это не поможет. Я пытался дать указания своему агенту...

— Агента мы взяли,— прервал его генерал.

— Теперь это не имеет значения.

— Хорошо. Так что же означает шифровка?

— 1990 год. Индекс 70448. Цена 10 рублей 80 копеек. Я умолял его подписать меня на «Крокодил», понимая, что, окруженный вашими людьми, я не успею подписаться. Ведь срок истекает 31 октября. Но и вы тоже опоздали! — Резидент закатился нервным смехом.

Генерал невозмутимо снял трубку:

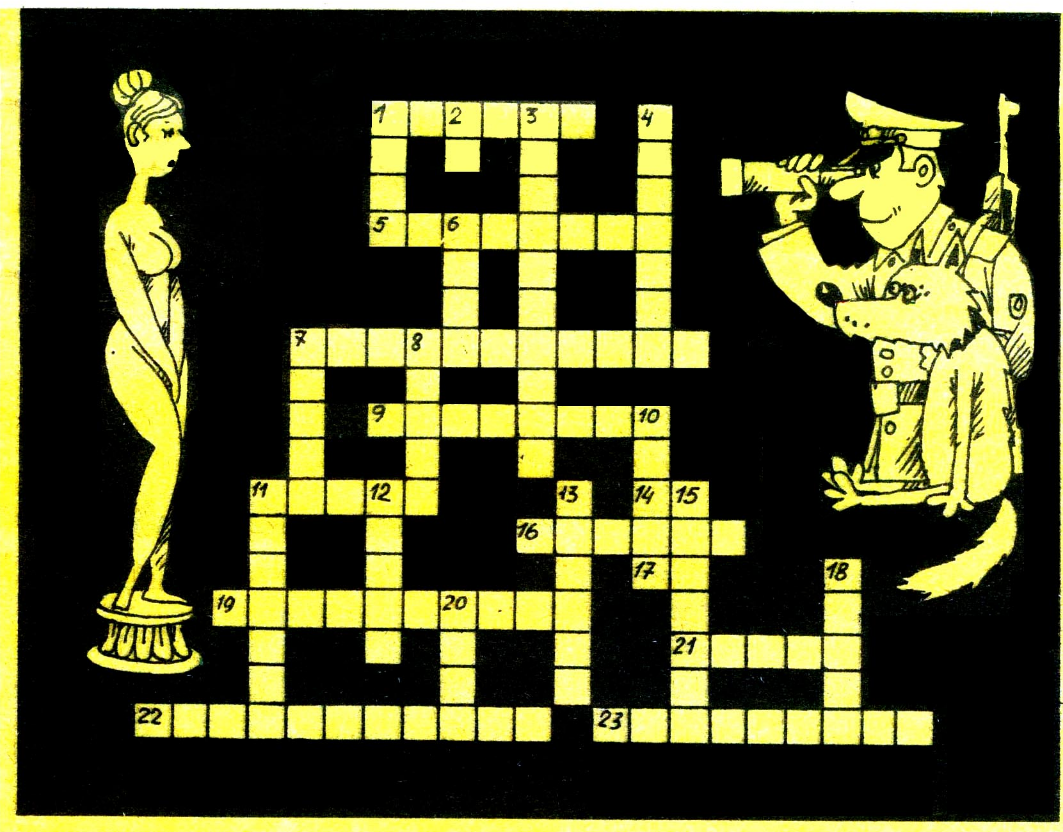
— Второй? Говорит первый. Доложите о положении с «Крокодилом».

— Товарищ гвардии первый, второй докладывает. На территории вверенного вам округа на «Крокодил» подписались все.

Генерал усмехнулся. Диверсант, рыдая, закусил зубами ворот рубашки.

Смерть наступила мгновенно.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Уличный букет. 5. Роддом птицы Феникс. 7. Дом высокого класса. 9. Сверхдорога. 11. Головная прихожанка. 14. Выходной предлог. 16. Битье лежачего. 17. Гектарный процент. 19. Площадка для цветочной постановки. 21. Коллектив, работающий вприглядку (кордонн.). 22. Ходок в творческий народ (научн.). 23. Скульптура для малогабариток.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Зеркальная рыбка. 2. Захожденец за разум. 3. Книгоотстойник. 4. Темпераментное шустрило. 6. Напиток, требующий долива после отстоя. 7. Пельмени в тюбетейке. 8. Человек, чувствующий себя как дома. 10. Страночудная девочка (лит.). 11. Приспособление, сделанное на глазок. 12. Часть снасти, которой необходима выдержка. 13. Выносная часть квартиры. 15. Закомплексованная физкультура. 18. Показатель алмазного достоинства. 20. Надпись на собесовском одеяле (Ильфо-Петровск.).

Составила Н. БУГРОВА.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 29

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Нокаут. 3. Акинак. 7. Остановка. 8. Контролер. 10. Состояние. 13. Сопки. 15. Запятки. 16. Знахарь. 17. Смена. 19. Кирза. 20. Полотно. 22. Обломов. 25. Стив. 27. Паром. 28. Пава. 29. Барин. 30. Кашпо. 31. Антик. 32. Наяда. 33. Аптека. 34. Аврора.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Невроз. 2. Укорот. 4. Краска. 5. Король. 6. Сноп. 8. Косметика. 9. Неон. 11. Ноги. 12. Елизавета. 13. Сироп. 14. Излом. 18. Оправа. 20. Пробка. 21. Турник. 23. Лесков. 24. Ворона. 26. Винтик. 28. Понятые.

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!..

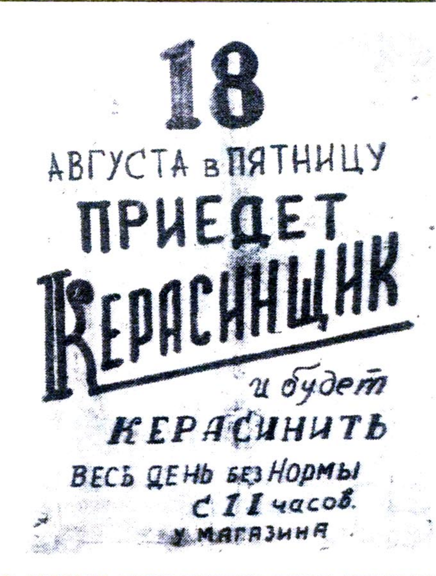
Валерий ПРИЕМЫХОВ

Он замерзал «ХОЛОДНЫМ ЛЕТОМ»,
Но все же снять решил «ШТАНЫ»,
И хоть «УШЛА ЖЕНА» при этом,
Он вас не бросит, «ПАЦАНЫ»!

Г. ТУМАРКИН.

Дружеский шарж К. КОЖУХОВА, Карагандинская область.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Прислали Е. и В. Квяткевичи, г. Ленинград.

«Улыбка продавца сделает вашу покупку вдвое приятнее и дороже!»

(Телереклама).
Прислал А. Кабанов, ст. Самоцвет Свердловской области.

«7 ноября 1987 года во время дежурства сторож Алимова Н. Е. находилась в нетрезвом состоянии. За нахождение на дежурстве в нетрезвом состоянии и добросовестное отношение к исполнению своих обязанностей по охране объекта

Приказываю:

1. Алимовой Нине Егоровне объявить строгий выговор и предупредить, что в случае повторения подобных фактов она будет уволена по соответствующей статье КЗоТ РСФСР».

(Из приказа).
Прислал З. Полозов, г. Пенза.

НОЯБРЬ 89

В. ДУБОВ.

ПОН	ВТ	СР	ЧЕТ	ПЯТ	СУБ	ВОС
		1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30			

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

2500 лет со дня смешения языков при строительстве Вавилонской башни. Именно с тех пор любые глобальные стройки века характеризуются полным взаимным непониманием субподрядчиков.

5000 лет со дня провозглашения принципа постройки египетских пирамид: «Чтоб у меня было не хуже, чем у других».

В 1989 году исполняется 400 лет самому известному вопросу в истории человечества — «Быть или не быть?». Первое упоминание о Гамлете, принце датском, относится к 1589 году, когда английский писатель Томас Нэш сообщил о «куче Гамлетов, рассыпающих пригоршнями трагические монологи».

1 НОЯБРЯ — 15 000 лет со дня рождения первого кроманьонца в семье добропорядочных питекантропов. Именно тогда же родилось и выражение «в семье не без урода»

17 НОЯБРЯ — 60 лет со дня окончания печально знаменитого Пленума ЦК ВКП(б), одобрившего призыв И. В. Сталина к массовой коллективизации. О последствиях этого одобрения предстоит лишний раз вспомнить 19 НОЯБРЯ — в День работников сельского хозяйства.

ДВОЙНАЯ ПАМЯТНАЯ ДАТА

10 НОЯБРЯ — День советской милиции, совмещенный со Всемирным днем молодежи. Ожидается массовая сдача люберами кастетов, ломиков и ножей, а рокерами — мотоциклетных цепей в государственные цейхгаузы с последующей записью молодых неформалов в ряды друзей милиции.

ПРОГНОЗ ПОГОДЫ

По всей территории СССР сведения Гидрометцентра регулярные, точность без существенных изменений, достоверность умеренная до слабой.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Героический поступок

В окрестностях Приукольского химзавода инспектор рыбоохраны Пантюхин изъял у восьмилетнего Жоры С. незаконно выловленного рака. Пантюхин рака оприходовал, сварил, съел и сразу же скончался в страшных судорогах. Так была спасена жизнь мальчика.

Советы психолога

У вас зарплата большая, очень большая, смотрите мне прямо в глаза, слишком большая, огромная, колоссальная, расслабляйтесь, ощущайте тепло в ладонях, ошеломляющая, неисчислимая...

Туристскими маршрутами

«Власта» — «Ванда» — «Ядран» — ГУМ — ЦУМ — ОВИР.

НАРОДНЫЕ ПРИМЕТЫ

Ранние ледоставы — к дефициту мормышек.

Неожиданные снегопады — к массовой поломке снегоочистителей.

Дежурил по ноябрю
Р. ПЕТРОВ.

Цена 30 коп. Индекс 70448.